18+

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛА ЖИХАРЕВА

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

Вадим Голубев

Записки генерала Жихарева. Роман ужасов

«Издательские решения»

Голубев В.

Записки генерала Жихарева. Роман ужасов / В. Голубев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851008-3

«Революции готовят гении, совершают фанатики, а пользуются их плодами проходимцы», — сказал как-то Фридрих Энгельс. Именно они дорвались в свое время до власти в нашей стране, превратив ее в огромный концентрационный лагерь. Потом стали разбираться между собой, используя самые отвратительные и жестокие средства. Чины поменьше рангом тоже не остались в стороне. Им достались сладкие куски с барского стола, за которые пришлось кровью писать роман ужасов, длившийся долгие десятилетия. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851008-3

© Голубев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 27
Глава 8 29
Глава 9 31
Глава 10 34
Глава 11 36
Глава 12 39
Глава 13 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Записки генерала Жихарева
Роман ужасов

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2020

ISBN 978-5-4485-1008-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

23 марта 1954 года Павла Павловича Жихарева вызвали на Лубянку. Он уже давно не был в этих коридорах. Вроде бы, все оставалось по-прежнему, как полтора десятка лет назад. В то же время чувствовалось, что-то новое – не в лицах охраны и не в портретах на стенах. Новой была сама атмосфера, царившая в огромном здании. Перемены ждали и самого Павла Павловича. Ему объявили об увольнении из органов государственной безопасности без выходного пособия и права ношения генеральской формы.

– На каком основании? – спросил Жихарев генерала В., зачитавшего ему постановление Президиума Верховного Совета СССР.

– Пока без веских оснований! – последовал ответ. – Но это – только пока!

Жесткое решение не стало для Жихарева «громом среди ясного неба». Мало того, Павел Павлович был готов, что в одну из ночей за ним приедут ребятушки в штатском, как он сам когда-то приезжал среди ночи, и надев наручники, отвезут на ту же Лубянку. Он немало натворил почти за сорок лет службы в системе и знал, что мало кому из таких как он, система дает тихо умереть в своей постели. Правда, Жихарева удивило, что о нем слишком рано вспомнили. Ведь у этих, «новых» было полно работы. Хотя бы реабилитировать тех, кого незаконно осудили в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы. Да и с теми, кто следствие вел – бил, да иголки под ногти загонял, разобраться надлежало. Да и тех, кто выносил заведомо несправедливые приговоры, кто приводил их в исполнение, кто гноил невинно осужденных в тюрьмах и лагерях, сетью покрывших огромную страну, не мешало бы вспомнить. Себя же Павел Павлович сильно виноватым не считал. Ему приказывали – он выполнял приказы. Если и допускал какие-то отклонения от закона, так время такое было. Это и решил написать Жихаерв в своих записках. А вспомнить он мог многое.

Помнил он время, когда еще был не Павлом Павловичем, а просто Пашкой. Помнил хмурый январский день 1918 года, когда в их прокуренную комнатуху ввалились сосед Поликаха и его родственник, солдат Афиноген.

– Павлуха! – крикнул сосед Жихареву-старшему. – Винные погреба громят! Айда с нами! Мешки, кошёлки берите!

Схватив мешки, которые были в доме, Жихаревы бросились за ними. Поток людей втекал на территорию винных складов, вливался в подвалы с запасами спиртного. Навстречу компании уже шли первые счастливчики, везшие на салазках, тащившие в мешках, корзинах, а то и просто охапками бутылки с шустовским коньяком, смирновской водкой, голицынским шампанским. Тут же, у ворот лежало полтора десятка мужчин и женщин, успевших напиться так, что ноги не держали. Мутным взглядом посмотрел на компанию стоявший на четвереньках только что кончивший блевать старик в чиновничьей шинели и рухнул лицом в собственную блевотину. Рядом, раскинув руки, лежал другой чиновник – из администрации погребов – с проломленной головой и кровавым месивом вместо лица. Жихаревы пробивались сквозь толпу. Их провожали крики, ругань и толчки в спину. Отец попытался отругиваться, но Афиноген остановил его: «Не трать время!» Наконец, компания добралась до склада со смирновской водкой. Набили бутылками мешки и карманы, а мать забила бутылки за пазуху.

– Ну, маманя, ты как купчиха стала! Троим не обнять! – осклабился Жихарев-старший.

– Будет зубы скалить! – прикрикнула на него мать. – Это отнесем и быстрей назад! Народу – вон сколько!

Сгибаясь под тяжестью семейка дотащила поклажу домой. Когда шли во второй раз, наткнулись на пришедшую посмотреть на погром няньку с коляской.

– Нут-ко, дочка, забирай дитё из коляски! Она нам пригодится! В нее десять четвертей войдет! – потянул коляску Поликаха.

– Что вы, дяденька! Коляска – хозяйская! – впилась нянька в ручки.

– Цыц! – щелкнул затвором винтовки Афиноген. – Живо забирай своего ублюдка! Не то вмиг обоих в расход пущу!

Спешил народ, приехавший на трамваях. Упившиеся теперь валялись и на дальних подступах к складам. То и дело приходилось перепрыгивать через чьи-то ноги и головы. В самих погребах уже установилась очередь.

– Куда прешь?! – потряс у Афиногена под носом наганом человек в драном полушубке. – Один ты – умный?! Становись в очередь!

Ропот пронесся по толпе. В бока Афиногена уперлось несколько стволов.

– Ладно, встанем! Всем хватит, да и очередь быстро идет! – сказал Поликаха.

Когда компания уже нагруженная выходила из погребов, потеряли Афиногена. Потерю не заметили, поскольку спешили, чтобы вернуться еще раз. Обнаружили, что служивого нет, лишь отойдя метров на сто от складов. Компания обернулась и увидела подъезжавшие к воротам грузовики с матросами. Часть из них, соскочив с машин, направилась в погреба. Остальные, взяв винтовки наизготовку, встали впереди автомобилей. Из кузовов грузовиков на толпу направили пулеметы.

– Граждане! – обратился к толпе тщедушный человечек в пенсне и кожанке. – Содержание винных погребов Романовых является достоянием народа! Попытки разграбить их будут приравниваться к мародерству, за которое расстреливают на месте! Расходитесь по домам, граждане!

– Достояние народа – так народу и отдай! – забурлила толпа. – Братцы, да они же сами все выпьют! На хрена такая власть?!

– Приготовиться! – скомандовал человечек в пенсне.

Щелкнули затворы, штыки уперлись в грудь тем, кто стоял в первом ряду. В это время раздались выстрелы на складах. Взорвалась граната, затем другая. Тоненький ручеек, раздаваясь вширь, потек из ворот.

– Братцы! Да они же вино бьют! – раздался истошный с надрывом вопль.

С гулом и матом толпа подалась вперед. В это время у Афиногена, забывшего о взведенном затворе, от чьего-то толчка выстрелила винтовка.

– Провокация! – неестественно тонким голосом заверещал человечек в пенсне и трижды выстрелил в Афиногена из маузера.

Дал очередь поверх голов один из пулеметов. По-волчьи завыла толпа. Человечки-капельки, человечьи ручейки, ручьи, потоки устремились на прилегавшие к складам улицы.

– Бежим! – крикнул Поликаха. – Догонят – сметут – затопчут!

Компания первой добежала до своего двора. Пашка выглянул из подворотни. По мостовой и тротуарам мчалась черная толпа. Тысячи ног стучали по брусчатке. Безногий инвалид Гаврила, случайно оказавшийся между двумя подворотнями, несся впереди толпы на тележке. Под струями катился с его лица с закатившимися гноившимися белками. Когда до спасительной подворотни оставалось всего лишь двадцать метров, толпа настигла инвалида. Парень без шапки перемахнул через Гаврилу, оттолкнувшись ногой о его плечо. Кто-то навалился на калеку, и толпа захлестнула его. Только колесико от тележки безногого покатилось по тротуару. Когда схлынул людской поток на тротуаре остался лежать бесформенный обрубок. Рядом с ним лежал старик в черном пальто с красной от крови бородой. Недолго смотрели зеваки на трупы. Другой поток – смесь коньяка, вин, водки, пенясь заполнял мостовую и тротуары.

Жихаревы с Поликахой уже выгрузили добычу и вышли на улицу. Жители квартала отвернулись от покойников и с любопытством втягивали носами воздух, рассматривали буро-красную реку, заполнившую улицу. «Шпирт! Ей Богу, чистый шпирт!» – сказал Жихаерв-стар-

ший, потянув носом. Отец зачерпнул горсть жидкости, выпил. Затем снял картуз, зачерпнул им. Осушив картуз, отец закричал: «Вино течет, православные! Шампань с клеретом!» Рядом уже на четвереньках стоял Поликаха и лакал пойло, словно собака.

– Одобряю я новую власть, потому что вино рекой льется! – провозгласил Жихарев-старший, ложась рядом с Поликахой. – А вот, что в трудящихся стреляют – не одобряю. Ну, помянем раба божьего Афиногена!

Народ, между тем, разбегался за ведрами и прочими емкостями.

– Пашка, б…! – больно толкнула мать в спину Жихарева-младшего. – Живо домой! Освобождай посуду, какая есть!

Ведрами, ушатами, бидонами люди черпали вино, бегом несли его в квартиры, чтобы снова возвратиться к потоку. Влас Шилов, живший в доме напротив Жихаревых, поскользнулся и упал в поток. Сел в нем, но подняться уже не смог, поскольку был отравлен винными парами. Несколько раз он открыл рот, чтобы глотнуть чистого воздуха, и повалился навзничь. Поток захлестнул Власа, но всем было не до него. Даже его жена Пелагея подхватив оброненное мужем ведро, продолжала таскать вино.

Наконец, все емкости в доме были заполнены.

– Сходи, посмотри. Как там отец с Поликахой! – велела Пашке мать.

На улице он увидел отца, которого рвало прямо в поток. Лежавший рядом Поликаха не подавал признаков жизни. Голова его была полностью погружена в вино. Вытащив соседа из потока, Пашка понял, что тот мертв. Прислонив к стене блюющего отца, Пашка побежал в комнату, где жила семья Поликахи.

– Тетя Зина! Беги на улицу! Дядя Поликаха умер! – крикнул Пашка соседке.

– Умер? Привязали к жопе нумер! – гоготнула пьяная жена Поликахи.

Пьяны были и дети, и дедушка Дормидонт – поликахин отец. Вернувшись на улицу, Пашка увидел, что отец снова пьет из потока.

– Отец! Пойдем домой! Здесь смерть! – потащил Пашка отца с улицы.

Во дворе того снова вырвало. «Ой, бля! Ой, бля!» – хрипел отец, когда Пашка затаскивал его на второй этаж. Уложив папашу на постель, Пашка увидел спавшую на полу мать. Она тоже была пьяна. «Ой, бля!» – раздался голос Жихарева-старшего. Пена и желчь потекли из его рта. Глаза закатились, по телу пробежала судорога. Пашка побежал в лазарет лейб-гвардии Уланского полка, где служил фельдшером их кум Сидор Кузьмич. Тот был зол, поскольку не смог напиться, так как казармы оцепили красногвардейцы. Для Сидора Кузьмича шедшего к больному они сделали исключение. Добравшись до комнаты Жихаревых, Сидор Кузьмич первым делом осушил большую кружку вина. Затем склонился на Жихаревым-старшим.

– Помер, парень, твой папаша – полетел на небеса! – сказал он, осмотрев отца, и осушил наполненную вином большую банку из-под чая.

Во дворе с Сидором Кузьмичом приключилась неприятность. Из окон третьего этажа блевал каменщик Петров. Все содержимое желудка он вывернул на фуражку и шинель кума. Но после того, как фельдшер приложился к ушату с вином, ему уже было безразлично.

– Я не буду пить вино, лучше буду есть говно. Голова болеть не будет, а блевать-то все равно! – затянул кум частушку и побрел со двора.

К вечеру пришла в себя мать. Вдвоем с Пашкой она перенесла супруга на стол. Затем направилась к бабкам-трупомойкам, а сына отправила к столяру Василию Зайцеву и могильщикам. Зайцев был, разумеется, пьян и долго не мог понять, что от него хотят. Затем, вроде, пришел в себя, долго расспрашивал Пашку, которого знал как облупленного, кто он такой. После чего со словами: «Обосрался я, парень!» упал и уснул. С могильщиками Пашка договорился за ведро водки.

– Все будет хорошо. А поставишь еще четвертинку, так и тебя по первому разряду похороним! – пообещали они.

Придя домой, Пашка увидел мать, обмывавшую отца.

– Вот, суки! – сказала она про старух. – Пьяные лежат – лыка не вяжут. Да еще обоссались! Поп – сучий потрох – говорит: «Я эту пьянь и безбожника в церковь вносить не дам! Принесешь ком земли с могилы – отпою. Потом ком опять на могилу положишь!»

На другое утро Пашка пошел к квартировавшим неподалеку артиллеристам. За ушат вина они сколотили гроб из ящиков от снарядов. Возвращаясь мимо винных погребов, Пашка увидел красногвардейцев, грузивших на подводы трупы. Четверо подняли тело солдата Афиногена и бросили на телегу, словно мешок с картошкой. Всюду были расклеены объявления: «Граждане! Выдача трупов, погибших при погроме винных погребов, производится в морге Военно-медицинской академии с 6 утра до 3 часов по полудни ежедневно».

Через три дня после Жихарева-старшего похоронили Поликаху. К тому времени народ уже протрезвел – было, кому похоронить и помянуть. А солдата Афиногена из морга так и не забрали.

Глава 2

В дни, когда умер Жихарев-старший в семье произошло еще одно несчастье. Толпа разгромила хлебную лавку брата матери – Федора Лукича. В этой лавке Пашка работал сначала мальчиком, потом – разносчиком.

– Хотя отец твой – человек пропащий – постигай дело! – говаривал Пашке дядя. – Еще через годик младшим приказчиком поставлю. Послужишь, ума-разума наберешься – свое дело откроешь.

Пашка усердно слушал дядины наставления, в меру поворовывал. Это помогало семье не голодать, поскольку отца отовсюду гнали за пьянство. Делился Пашка с семьей только булками и кренделями, а украденные медяки с гривенниками припрятывал. Мать бы пустила их все на хозяйства, а папаша пропил бы. Тогда Пашка мечтал, что со временем он будет ходить, как дядя, в синей суконной поддевке, в цвет ей жилетке, лакированных сапогах, и обязательно при серебряных часах «Павел Буре» с боем. Однако судьба распорядилась по-другому. Как-то утром, придя в лавку, дядя увидел ее объятую огнем. На пороге лежал изуродованный труп старшего приказчика Фрола Ильича с воткнутым в живот багром. Обгоревший труп младшего приказчика Ферапошки с проломленным черепом нашли в том, что осталось от лавки днем позже.

– Никаких нет резонов открывать новое дело при этой власти. Иди, Павлуха, определяйся куда-нибудь! Кончилась твоя служба! – пошел с этими словами прочь от пепелища дядя.

Семья оказалась на грани голодного существования. Тентелевский завод, на котором работала мать, уже два месяца был закрыт. Однако Жихаревым помог случай. Жил на их улице парень Степан Бормотухин, по кличке Цыган. Дрался он отчаянно, а во всех шкодах был первым заводилой. Пашку он не трогал, потому что тот его подкармливал. Случалось, за крендель или копеечное пирожное избивал за Пашку любого, на кого указывал Жихарев. Перед октябрьским восстанием он исчез и вдруг объявился в первых числах ноября 1917 года. На боку у Степки болталась офицерская шашка, на плече висел карабин, ноги были обуты в офицерские сапоги.

– Я, брат, теперь не Степка-Цыган, а Степан Емельянович Бормотухин – участник штурма Зимнего и милиционер – представитель новой власти, – важно сказал он, угощая Пашку дорогой папиросой.

– Степа, а кто такие милиционеры? – спросил Пашка.

– Это – как раньше городовые были. Порядок-то нужен при любой власти!

– А сапоги там такие дают?

– Нет, сапоги мне один прапор оставил. Когда Зимний взяли, мне его велели в подвал отвести. Там всякую контру собирали. Веду его, а мне по малой нужде приспичило, аж глаза на лоб лезут. Вижу: какая-то посудина с двумя ручками. Только хотел в нее наделать, так эта гнида очкастая на меня с кулаками: «Что же ты, хам делаешь?! Это – древнеримский кратер! Ему цены нет!» Врезал я ему в лоб из винта, а в кратер этот нассал. Ну, гляжу – сапоги хорошие, а ему они больше не нужны… Вот, и портсигар мне оставил. Гляди, что написано: «Милому Темочке в день окончания Санкт-Петербургского университета от родителей»

В тот день, когда сожгли дядину лавку, Жихарев-младший снова встретил Степку и поведал ему свое горе.

– Давай к нам, в милицию! Люди нужны! – тут же ответил Степка. – Умным будешь – мы с тобой таких дел наворочаем! У тебя еще вино из царских погребов осталось? За две четверти я тебе рекомендацию дам.

Так Жихарев стал милиционером.

В феврале 1918 года арестовали барона Редерера профессора университета. В те дни началась чистка Петрограда от противников новой власти. Редерер был руководителем забастовки преподавателей и студентов в знак протеста против разгона Учредительного собрания и узурпации большевиками государственной власти. Во время обыска на квартиру Редерера позвонили из милиции и велели срочно отправить грузовик, в котором приехали брать барона, на Конногвардейский проспект – там стреляли, «Барона отведете пешком! Здесь недалеко – дотопаете!» – велел старший наряда Разуваев.

Неподалеку от управлении милиции свернули в подворотню.

– Тихо, дядя! – принялся Степка ловко расстегивать на бароне шубу.

В мгновение золотые часы и портсигар профессора перекочевали в степкины карманы.

– Оправа на пенсне, цепочка золотые? – спросил он.

– Помилуйте! Это же – грабеж! – вскрикнул Редерер.

– Деньги есть? – сорвал с него Степка пенсне.

– Что вы делаете, господа?! Что вы делаете…

Сухой выстрел, раскатившись под аркой подворотни, прервал барона. Скрипнул снег под упавшим телом.

– Вот, твоя доля! – протянул Степка Жихаревау пенсне. – Оправа золотая. Выменяешь на сало, яйца… А в милиции скажем, что барон пытался бежать.

В полуобморочном состоянии Жихарев шел к милиции.

– Мы совершили убийство с целью грабежа. Значит, подлежим расстрелу на месте. Слышал я, что Степка уже не первый раз убивал господ при попытке к бегству. Нет, Степа, я из-за твоих дел лоб подставлять под пулю не буду. Как придем – сразу сдам тебя начальству, – решил про себя Пашка.

Одновременно с ними подкатил грузовик с Разуваевым.

– Бормотухин! Помоги разгрузить!» – указал он на тела трех офицеров в кузове. – А где барон? Уже сдали?

– Бежать пытался барон! – не моргнув глазом соврал Степка. – Пришлось ликвидировать при попытке к бегству и оказании сопротивления властям.

– Хрен с ним! Позже разберемся!

Пока Степка сбрасывал в снег трупы, Жихарев пошел к начальнику отдела Эткину.

– Вот, оно что, – сказал Эткин, выслушав пашкин доклад. – Не первый случай, когда у него арестованные гибнут при попытке к бегству. Есть и случаи, когда жалуется на пропажу вещей после обысков, в которых он участвовал. Разуваев! Зайди и пару ребят прихвати покрепче. Редерера привезти надо! А Бормотухин пусть протокол составляет.

Затворив за вошедшим Разуваевым дверь, Эткин шепотом приказал:

– Пока ездят за трупом, с Бормотухина глаз не спускать! Сядешь рядом с ним и гляди в оба, чтобы он ничего не смог выбросить!

Когда милиционеры приехали к подворотне, труп барона уже был обобран. Сняли шубу, штиблеты с галошами, подобрали упавшую рядом бобровую шапку. Во дворе милиции тело сбросили в снег рядом с убитыми офицерами. В помещении отдела Степка, высунув от усердия кончик языка, заканчивал протокол. Рядом, не спуская глаз, курил Разуваев. «Ну, что закончил? Спросил он. – Пошли докладывать Эткину!»

– Складно брешешь! – хмыкнул Экин, прочитав степкину писанину. – А теперь выкладывай на стол все, что есть в карманах!

– Сука! – бросился на Жихарева Степка, но был сбит с ног ударом кулака в шею.

Кроме часов и портсигара барона, у него нашли золотой браслет, колечко с красным камнем, пару пятирублевых золотых монет.

– В подвал! – скомандовал Эткин.

Ювелирные изделия: золотой флакончик для духов, браслеты, десятирублевки царской чеканки, обнаружили в степкиной подушке, во время обыска на его квартире.

– Иуда же ты, Пашка! – крикнула мать Бормотухина, когда ее усаживали на извозчика, чтобы как соучастницу доставить в милицию.

Утром 27 февраля милиционеров выстроили во дворе управления. Перед строем прохаживался в каракулевой бекешке начальник Петроградской милиции Климентий Ефремович Ворошилов. Из подвала вывели босого, в нижнем белье Степку.

– Товарищи! – обратился к строю Ворошилов. – В наши ряды проник враг. По личиной советского милиционера Степан Бормотухин занимался бандитизмом, грабежами и мародерством, дискредитируя этим Советскую власть, подрывая к ней доверие трудящихся. Однако благодаря бдительности нашего товарища – Павла Жихарева – он обезврежен. Революционным трибуналом Степан Бормотухин уволен из органов милиции и приговорен к расстрелу. Милиционер Жихарев – пять— шагов вперед! Приведите приговор в исполнение!

Разуваев вытолкнул Пашку из строя. Взмахнул лайковой перчаткой Эткин, и заурчал мотор грузовика.

– Паша! Пашенька, не убивай! – упал на колени Степка.

Черные от непромытых глаз слезы текли по синему от ужаса лицу. По подсиненным подштанникам начало расплываться желтое пятно. Винтовка плясала в дрожавших пашкиных руках. Не гнувшимися пальцами он нажал курок. «Ой, б…! Больно!» – взвизгнул Степка, вскочив на ноги и держась за живот. Второй выстрел отбросил его к стенке. С хрипом сполз Степка по стене, оставляя на ней кровавый след.

– Добей в упор! В голову! – велел Разуваев.

Уперев трехлинейку в степкин лоб, Жихарев выстрелил. Оставшееся на лбу пороховое пятно немедленно размылось кровью, перемешанной с кусочками мозга. Пашку с непривычки вырвало. Когда он пришел в себя, милиционеры уже разошлись. Во дворе остались Ворошилов, Эткин и Разуваев.

– Что делать с тем, что этот гад наворовал? – спросил Ворошилова Эткин. – Может быть, вернуть?

– Как учит вождь мирового пролетариата товарищ Ленин, революция в белых перчатках не делается. Все, что награбил Бормотухин, переходит в собственность государства и является достоянием народа. Так и объясните, если будут спрашивать. Как намерены использовать этого паренька? – кивнул Ворошилов в сторону Пашки.

– Заменит Разуваева, а Разуваев будет только на оперативной работе.

– Правильно! Завтра пусть и приступает! От патрулирования, арестов и обысков освободить! Паек увеличить! Завтра товарищ Разуваев покажет, как это делается, а дальше пусть занимается сам!

На следующую ночь повезли на расстрел двух налетчиков, спекулянта мукой и степкину мать. Утром Пашка договорился за каравай хлеба и шмат сала с теми же могильщиками, что хоронили его отца. В десять вечера он нанял ломового извозчика, пообещав ему хорошую плату. После этого приговоренных раздели до нижнего белья, связали и усадили на телегу.

– Что-то не по сезону седоки одеты, – хихикнул извозчик.

– А им одёжа больше не потребуется – на шлёпку везем, – пояснил Разуваев.

– Голубчики, братцы, православные! Может, кого-нибудь другого возьмете? – запричитал извозчик.

– Хватит канючить! Их на том свете заждались! – оборвал его Разуваев.

До кладбища ехали под тихий мат налетчиков, всхлипывания степкиной матери и поскуливание спекулянта.

– Побудь с ним! – указал на извозчика Разуваев конвоиру-милиционеру. – Как бы не сбежал от нас! Назад, эвон, сколько добираться!

Могильщики уже ждали в сторожке.

– Где же покойники? – удивились они.

– Вот покойники! – указал Разуваев на четверку приговоренных.

Когда подошли к могиле, Разуваев внезапно выхватил наган и выстрелил в затылок одному из налетчиков. С Изумлением обернулся другой, и пуля Разуваева угодила ему в сердце.

– А этих – ты! – кивнул Разуваев на спекулянта и степкину мать.

Ойкнув, спекулянт прыгнул в могилу, ничком упал на ее дно и, скуля, засучил ногами.

– Посвети, папаша! – приказал Пашка пожилому могильщику.

Он определил, что пуля попала в цель, потому что спекулянт вытянулся и затих.

– К яме! – скомандовал Жихарев степкиной матери.

Та, забормотав молитву, пошла к могиле, на краю которой ее уложила пашкина пуля.

– Бабу-то за что? – спросил могильщик помоложе.

– Много будешь знать – скоро состаришься. А состаришься – сам в яму ляжешь! – осклабился Разуваев. – И вообще теперь будете хоронить бесплатно! Это – ваша обязанность.

Мелко трясся извозчик, везя нас назад, в управление.

– Доехали! Зайди – за труды получишь! – указал на дверь Разуваев.

– Свят, свят, свят! – закрестился извозчик. – Отпустите Христа ради! Ничего мне не надо.

Развернув лошадей, он вылетел со двора.

Глава 3

Наступил апрель 1918 года. К этому времени Пашку перевели в ВЧК.

Вместе с этим карательным органом он переехал в Москву. В соответствии с порядком, заведенным председателем ВЧК Дзержинским, приговор приводил в исполнение следователь, ведший дело. Когда же следователи были перегружены работой или кого-то не выдерживали нервы, подключался Жихарев. У него нервы были крепкими. К тому же, приговоренные вели себя достойно – в ногах не валялись, пощады не просили, не бросались на убийц с кулаками. В основном, либо выкрикивали политические лозунги, либо пели «Боже царя храни», либо читали молитвы. Мало кто доходил до устных оскорблений или физического противодействия. Трупы на захоронение увозили проштрафившиеся работники. Они же мыли пол в подвале после расстрелов. Словом, работа у Пашки была легкая, а сам он был сыт, обут и одет. Он успел стать сочувствующим большевикам, как тогда называли кандидатов в на прием партию. Старенькую винтовку он давно сменил на кольт и мечтал о маузере.

В середине апреля Жихарева вызвал заместитель председателя ВЧК – латыш Петерс.

– Дело есть для тебя, Жихарев, – сказал он. – Это – важнейшее партийное и государственное задание! Надо выехать в Пермь, а затем в Алапаевск. Это – на Урале. В настоящее время в Перми проживает великий князь Михаил Александрович Романов, а в Алапаевск сосланы родственники бывшего царя – двоюродные братья, дяди, племянники. С челядью – человек пятьдесят наберется. Принято решение всех их ликвидировать, поскольку они являются знаменем внешней и внутренней контрреволюции. Это дело поручено тебе. Ознакомься с мандатом на ликвидацию! Видишь, кто подписал? Скажу откровенно: поручение – сложное и опасное. В марте в Мурманске высадились англичане, в апреле во Владивостоке – японцы. Неспокойно и в чехословацком корпусе, а он растянулся от Волги до Иркутска. Неспокойно и в центре России. Путь тебе предстоит долгий и тяжелый. Можно голову потерять! Но если выполнишь задание – сразу будешь принят в партию. Ты знаешь, партий в стране сейчас много. В блоке с нами левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, анархисты, трудовики. Но к осени мы всю эту мелкобуржуазную нечисть прижмем к ногтю. А пока надо выжечь всех монархистов, октябристов, кадетов и прочую сволочь. Выкорчевать их надо с корнем. А корни – Романовы: царская семья и великие князья. Обрубим корни – упадет дерево. Тогда пили и жги его, как хочешь! Так, большевистская партия станет единственной правящей партией. И тогда, Жихарев, любые высоты в государстве станут для тебя доступными. Вопросы есть?

– А кто будет выводить в расход самого Николая Романова?

– Туда уже выехали люди.

– Как же так? Как работать, вкалывать, шлепать всякую шушеру – так Паша Жихарев! А как царя в расход вывести, как прибыльное дело – так кого-то из своих латышей отправляете!

– Дурак! За проведенную операцию ты получишь все, что захочешь.

– А маузер?

– Любой, даже с брильянтами! Есть у нас на складе, в спецхране такая игрушка. Из коллекции великого князя Николая Николаевича. Распоряжусь, чтобы до твоего возвращения никуда не дели.

– А серебряные часы с боем «Павел Буре»?

– Хоть золотые!

– С цепочкой?

– Хоть с якорной цепью! Только в нашем деле выделяться не следует. Поэтому, когда поедешь, кожанку не бери! И сапоги хромовые поменяй на что-нибудь попроще! Кольт я у тебя видел… Сдай на склад! Взамен возьми наган или браунинг! Гимнастерку поменяй на пиджак, желательно, потертый. Туда, в полу зашьешь мандаты. Мандаты после ликвидации уничтожь!

Пусть местные власти думают: как им Романовых списать. Деньги в царских рублях и керенках получишь в финансовой части, харчи на дорогу – хозяйственной, маршрут уточнишь в транспортном отделе. Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда – в путь!

Как и предупреждал Петерс, дорога до Перми была долгой и трудной. Лишь к середине июля добрался Жихарев до города.

– Вообще-то он – смирный, – сказал председатель

губчека, ознакомившись с мандатом на ликвидацию. – Безобразие от него лишь одно – гуляет по городу, по самым красивым местам. Бабки да попы к нему льнут – просят разрешение ручку поцеловать. Ну а трудящимся – неудовольствие. «Мы не для того, – говорят, – нашу рабоче-крестьянскую кровь проливали, чтобы великий князь в «Императорских нумерах жил, да на роялях бренчал». Да и нам с ним беспокойство – шесть человек наружного наблюдения вынуждены подле него держать. Часовых к нумерам приставить или в тюрьму его определить не имеем права. Сам товарищ Ленин бумагу подписал, что бывший великий князь является свободным гражданином России и волен жить в любом ее городе. Но спасибо вам – сняли с нас эту обузу. Что требуется для операции?

– Офицерская форма: френчи, галифе, сапоги, фуражки.

– Найдем на складе…

– Накладные усы и бороды.

– Тоже есть.

– Автомобиль.-

Имеется и автомобиль. При том никто не знает, что он закреплен за чека.

– Мандат на переселение Михаила Романова в город Алапаевск.

– Сделаем.

– Ну а хоронить где будем?

– Есть в шести верстах от города одно болото. Там и утопим.

– Нужно двое надежных ребят, один из которых знал бы дорогу к этому болоту.

– А меня не возьмете?

– Вам даже близко к гостинице нельзя подходить! После ликвидации объявите, что сбежал великий князь при помощи офицеров. Для этого и нужны мундиры. А после с господами-офицерами, живущими в городе, можно расправиться, чтобы воду не мутили.

– Дельно!

– К часу ночи наружное наблюдение снять, телефон в нумерах отключить!

– Будет исполнено!

Во втором часу ночи Жихарев с сотрудниками губчека приехал в «Императорские нумера». Великий князь еще не спал.

– Гражданин Романов Михаил Александрович! Решением губисполкома вы переселяетесь из Перми в город Алапаевск, к родственникам. Вот, мандат на выселение. Полчаса на сборы! – объявил сотрудник губчека Вася Фомин.

– Помилуйте, братцы! Извольте взглянуть на мандат, подписанный вашим вождем – гражданином Лениным. Мне разрешено жить в любом населенном пункте России.

– По прибытии в Алапаевск вы можете обжаловать это решение во ВЦИКе и Совнаркоме! Вам также будет предоставлена возможность обратиться с письмом лично к товарищам Ленину и Свердлову. Но сейчас надо ехать, в противном случае мы будем вынуждены применить силу.

– Впереди столько замыслов и планов! А ведь я могу послужить новой России! – размышлял вслух Михаил Александрович, закуривая дорогую турецкую папиросу.

Его секретарь со странной для русского слуха фамилией Джонсон начал собирать дорогой чемодан.

– Все замыслы выполните! Мы для вас в Алапаевске хорошую квартирку приготовили. Там даже рояль есть! А ты, любезный, – обратился к секретарю Жихарев. – Собирай все самое необходимое! Остальное мы вам позже со спецкурьером пришлем.

Вася Фомин тем временем быстро осмотрел письменный стол, секретер, бюро. Там были только стихи и ноты.

– А родные вам не пишут? – вроде бы, из пустого любопытства спросил он великого князя.

– Они считают меня «красным».

Наконец, чемодан был собран, стихи и ноты уложены в голубую кожаную папку. Внезапно великий князь почуял недоброе.

– Я болен! – заявил он. – Ехать сейчас не могу!

– А ну, пошли! – схватил его за шиворот Жихарев и пинком вышвырнул из комнаты.

Также поступил Вася Фомин с секретарем. Третий сотрудник чека подхватил чемодан и папку. Уже на улице упиравшемуся Михаилу Александровичу Пашка дал по зубам и вбил в авто. Туда же втащили упиравшегося Джонсона.

– Не поминай лихом! Только и успел крикнуть великий князь старику-швейцару у входа.

На рассвете добрались до болота.

– Выходите! Надо оправиться! – ответил Жихарев на недоуменный взгляд Михаила Александровича, а когда все вышли из машины, объявил. – Гражданин Романов Михаил Александрович! Именем Республики сейчас вы будете расстреляны!

– Какое злодейство! Какая низость! – вырвалось у великого князя.

– Меня убейте, а не его! – попытался Джонсон прикрыть собой Михаила Александровича.

Вася Фомин отшвырнул его. Выстрелил в затылок из нагана. Пашка выстрелил в голову Михаила Александровича. Тот зашатался сделал шаг к убийце. Вторая пуля оборвала его жизнь. В считанные минуты трясина поглотила тела великого князя и его секретаря. Следом полетел чемодан с вещами. Жихарев разрешил подручным забрать только папиросы. Золотой портсигар и пригоршню червонцев он опустил в свои карманы, пообещав составить акт с перечнем изъятого у Михаила Александровича. Полетела в болото и папка со стихами – они были не нужны новой власти.

Вернувшись в Пермь Пашка дал шифрованную телеграмму о выполнении задания. В пришедшем ответе говорилось: «Срочно выезжайте в Алапаевск. По имеющимся сведениям, в семьях великих князей сосредоточены огромные запасы драгоценностей и золотых рублей. Они должны быть доставлены в Москву. Ни один брильянт, ни одна золотая монета не должны попасть в руки контрреволюционеров. За сохранность несете личную ответственность, вплоть до революционного трибунала».

Между тем, в Перми уже начались аресты офицеров, а следом – эсеров и анархистов. В подвале чека Вася Фомин расстрелял старика-швейцара из «Императорских нумеров». Уничтожив мандат на ликвидацию, Жихарев вместе с Васей выехал в Алапаевск. Перед отъездом они в деталях рассказали о расстреле великого князя и секретаря пермским чекистам. После выстроилась целая очередь за наградами тех, кто якобы приводил в исполнение приговор. Кое-кого даже наградили ценными подарками – золотыми часами. Правда, все это случилось уже после Гражданской войны, когда не стало свидетелей злодеяния.

Когда Пермь ненадолго была взята белыми, угрюмого водителя чека опознала жена швейцара. Оказалось, что она видела, как загружали в машину Михаила Александровича и Джонсона из окна швейцарской каморки. Толпа кольями забила шофера насмерть. Тогда же повесили шифровальщика чека, передававшего инструкции Жихареву. Вася Фомимн до конца войны не появился в Перми. Единственный оставшийся в живых участник убийства, выносивший чемодан великого князя и стрелявший в Джонсона никак не был отмечен. Он обиделся,

начал писать жалобы в высокие инстанции, дескать, он, а кто иной убивал великого князя с секретарем. Но его попросту объявили сумасшедшим и сгноили в психушке.

– Давно пора всю эту контру в расход! – обрадовался председатель уездной чека, низкий чернявый мужик, заросший щетиной. – Значит, так, в шестнадцати верстах от Алапаевска есть заброшенная шахта. Место там тихое и безлюдное. Ни выстрелов, ни криков никто не услышит. Отвезем туда всех на подводах. Необходимое количество лошадей и телег реквизируем часа за два. Поклажу, скажем, не брать – будет за вами, дескать, идти отдельный обоз. Сначала привезем к шахте великих князей. Там их разденем. Барахло их вспорем и обыщем после расстрела, в Алапаевске. Для конвоя и ликвидации мобилизуем весь состав чека. Управимся! Я пойду с первой партии, ты – со второй. Дорогу тебе будет показывать мой помощник Петруха. У шахты встретимся.

– А как быть с имуществом, оставшимся на квартирах? – спросил Пашка.

– Они у меня все в одном месте живут. Но чтобы ничего не растащили, пока мы ездим, поставим охрану из красноармейцев. Я договорюсь с военкомом. Отряжу казначея. Отберет, что в Москву поедет, а что мы здесь, между ребятами распределим.

Великих князей быстро подняли из постелей. Зачитали наспех составленное постановление об их переселении в Екатеринбург и оправились в путь. Следом за подводами тянулись слуги великих князей, неся узелки со своими нехитрыми пожитками. Увязалось с расстрельной командной и уездное начальство – все хотели стать свидетелями исторического события, а еще лучше принять личное участие в казни.

В версте от шахты Петруха дал команду остановиться. Первые лучи солнца окрасили верхушки деревьев в тайге и горы. Высадили из подвод великих княгинь с детьми. Жихарев зачитал им мандат на ликвидацию.

– Поскольку в ваших вещах могут оказаться зашитые ценности, являющиеся достоянием республики, – всем раздеться! – приказал Пашка.

– Сохраняйте спокойствие! – властно сказала немолодая женщина, бывшая в молодости очень красивой. – Примем смерть достойно, как подобает это сделать православным!

– Петруха, присмотри! – велел Жихарев, направляясь к стоявшим в отдалении слугам.

– Граждане лакеи! – обратился он к ним. – Ваши хозяева – великие князья Романовы – приговорены к расстрелу, как враги трудового народа. Вы были эксплуатируемыми гражданами. Поэтому мы вас отпускаем и никаких претензий к вам не имеем. Вы свободны!

– Нет, милостивый государь! – вышел вперед благообразный господин лет пятидесяти. – Как верноподданные и просто порядочные люди, мы хотим разделить участь наших господ. Мы примем смерть вместе с ними!

Только одна женщина в монашеском одеянии стояла одетой.

– Тебе, бабка, особое приглашение нужно? – спросил Жихарев.

– Я – монахиня и не могу раздеваться в присутствии людей. Золота у меня нет. Я все его отдала на помощь страждущим.

– Ладно, оставайся одетой! – разрешил Пашка, услышав ропот лакеев.

– Живо! По телегам! Поехали! – скомандовал Жихарев.

На краю шахты сидели голые и связанные великие князья. Чуть поодаль курило начальство.

– Пусть попрощаются! – сказал председатель уездной чека. – У тебя все в порядке, Жихарев?

– Все, только лакеи к нам приблудились…

– Живо раздевайтесь! – гаркнул на них председатель.

Среди великих князей ходила монахиня, говоря им что-то ободряющее.

– Где князь Палей? – спросил Жихарев, пересчитав казненных и, сверившись со списком.

– В шахте твой князь! Буянить начал, безобразничал. Вишь, человека покалечил! – указал ей Вася Фомин на председателя исполкома, левый глаз которого заплыл синевой.

Последовала команда: «Пли!» Залп, а затем беспорядочные выстрелы прокатились по тайге, эхом отозвались в горах. На миг застыла кучка великих князей. В следующий миг тела сплелись в клубок, который сразу начал распадаться. По двое, по трое, поодиночке люди падали в шахту.

Затем выстроили слуг. Как стояли они плечом к плечу, так одновременно упали они в шахту. Только благообразный господин, качаясь, стоял на ее краю.

– Вот трудовой народ, хоть и холуи, а умирают

организованно! Не то, что антиллигент хренов! – даже удивился Вася Фомин.

С этими словами он столкнул господина в шахту. После, закидав шахту гранатами, два часа забрасывали ее камнями, бревнами, сушняком. Все это время оттуда доносились стоны.

– Хрен с ними! Все равно не выберутся! Здесь аршин сто глубины будет, – сказал председатель чека.

Два больших мешка драгоценностей набралось в скарбе великих князей. Тем же вечером Жихарев с Фоминым выехали в Екатеринбург. Вещи членов императорской фамилии погубили алапаевских чекистов, даже секретных сотрудников, которые для остальных горожан были такими же гражданами как все. Через несколько дней город был взят белочехами. Именно по одежде Романовых опознали чекистов и членов их семей. Все, кто не успел покинуть Алапаевск были расстреляны, а их трупы тоже сброшены в шахту. Тела великих князей колчаковцы, сменившие в городе белочехов перевезли в Китай, а нетленные мощи великой княгини Елизаветы Федоровны навсегда упокоились в далеком Иерусалиме.

В Екатеринбурге Жихарев с Васей пересели на бронепоезд. Их уже ждали чекисты, руководившие убийством царской семьи. «Мы Кольку надежно упрятали – ни одна собака не найдет! – хвастались они, но взглянув на мешки с драгоценностями, которые приволок Пашка с напарником, погрустнели. – А вот улов у вас больше…»

Петерс сдержал слово. По приезде в Москву Жихарев получил маузер великого князя Николая Николаевича с золотой рукоятью, усыпанной брильянтами и золотые часы фирмы «Павел Буре». На обоих вещах красовалась гравировка: «Павлу Павловичу Жихареву – стойкому борцу за победу Мировой Революции». Кроме того, Пашке выдали новенькое офицерское обмундирование с лакированными сапогами и новую чекистскую форму из алого сафьяна: куртку, галифе, фуражку и сапоги. Форму Пашка взял не для себя. Уж больно просил ее пашкин дружок Петька Воробьев.

– Приведешь сегодня Таньку – мундир твой! – поставил условие Жихарев.

Петькина сестра до революции была проституткой высшего разряда. После революции она стала секретным сотрудником ЧК, правда, свою прежнюю профессию не бросила. Под личиной жрицы любви она входила в доверие к своим прежним клиентам и таким образом помогала раскрывать заговоры против новой власти. Пашка же, насмотревшись холеных тел расстреливаемых им графинь с баронессами, уже просто не мог глядеть на коротконогие, приземистые, ширококостные телеса представительниц победившего класса. У Таньки же была фигура княгини. Она подарила Жихареву незабываемую ночь. Только с ней Пашка понял, что такое настоящая женщина. Никто до Таньки не закидывал ему ноги на плечи, а затем оттягивал их назад. Впервые довелось Жихареву заниматься любовью, когда партнерша лежала на нем.

Весь следующий день Петька красовался в алом мундире. А вечером его нашли в одном из подъездов Варсонофьевского переулка с перерезанным горлом. К френчу была приколота записка: «Смерть палачам-чекистам!»

– Не польстись я на Таньку, – лежал бы сейчас в морге! – мелькнула мысль ау Пашки.

Ну а Дзержинский после этого случая запретил подчиненным носить красную форму.

Глава 4

Не обманул Петерс и в другом. Не к осени, а уже в июле большевики нанесли удар по своим союзникам. Был спровоцирован и разгромлен мятеж левых эсеров, закончившийся расстрелом ЦК этой партии и тысяч рядовых ее членов. В августе наступил черед анархистов. В эти месяцы у Жихарева было как никогда много работы. Для ее облегчения пришлось срочно освоить английский ручной пулемет «гочкис». Пашка дурел от пороховой гари, запаха крови. Лужи ее в подвале доходили до щиколоток, а людей все вели и вели. Среди анархистов и эсеров было много наркоманов. Они стали главными свидетелями следствия. Несколько дней их держали без зелья. Доведя арестованного до нервного срыва, поставив на грань, когда за пузырек морфия он был готов продать отца с матерью, перед ним ставили такой пузырек. После этого подписывались любые протоколы, давались любые показания. Случалось, подвал был забит трупами. Тогда расстреливали прямо в камерах. «Арестован безвинно», «Третий день не предъявляют никаких обвинений. Гохфельд», «Переведен в камеру смертников без суда. Юрьев», – такими надписями были исписаны стены камер. Они забеливались после того, как помещение было очищено от тел и отмыто от крови.

Наркоманов, давших показания, ждал тот же подвал или расстрельная камера. Лишь немногие, давшие особо ценные показания, получали перед смертью понюшку кокаина или укол морфия. Особенно много хлопот доставляли наркоманки. С мужчинами было проще. Узнав, что вместо заветной дозы получат пулю, они впадали в транс или истерику. Тогда Жихарев пристреливал их из нагана в затылок. Женщины же узнав об обмане, словно фурии бросались на чекистов, норовя выцарапать им глаза. Досталось тогда Васе Фомину и другому пашкиному подручному – Тихону Гавриловичу – тихому, степенному мужику. Первому исцарапали в кровь лицо, второму откусили мочку уха. После этого договорились расстреливать без зачтения приговоров. Приводили такую дамочку в подвал. Кто-то стрелял ей в затылок, а приговор зачитывали трупу. Порядок есть порядок!

В начале августа в подвал к Жихареву привели женщину средних лет.

– Член ЦК партии левых эсеров, – сказал доставивший женщину следователь Фойгельсон. – Крайне опасна! С большим трудом удалось ее взять – отменный конспиратор. Расстреливать ее нельзя – делегат съезда Советов, член ЦИК Республики. Мы уже сообщили в газетах, что она выслана в Орловскую губернию. Но и оставлять ее в живых нельзя – будет бороться с нами до последнего. Думайте!

– Тебе хорошо: «Думайте!» – огрызнулся Пашка.

– А вы думайте, думайте! Сейчас с приговоренными много чего разрешено делать, – с мерзкой улыбочкой шепнул ему Фойгельсон и выскользнул из подвала.

Женщина не слышала этого разговора. Она курила в дальнем углу помещения.

– Есть ли у вас какие-нибудь пожелания? – наклонился над ней Вася Фомин.

– Да. Мне вернули кулон. Передайте его моей матери. Сейчас в Москве голодно, а я буду учительствовать в Орловской губернии – прокормлюсь… Вот, адрес, – протянула он Васе записку.

– Идемте! – отпер дверь в расстрельное помещение Жихарев.

– Бывала здесь и при царизме, и при Временном правительстве, но пересылка в подвале – это ново!

Пропуская женщину вперед, Пашка прикоснулся к ней. Неудержимое горячее желание в миг овладело им. Увидев трупы, женщина отпрянула назад. Смятение пробежало по ее лицу.

– Вот как? Да вы палачи – хуже царских! Те хоть не занимались столь гнусным обманом! Не стреляйте в спину! Я хочу умереть, глядя смерти в глаза! – с этими словами женщина направилась к трупам у стены.

– Стой! – начал ее валить на тела Пашка. – Тебе уже все равно! Давай! Напоследок удовольствие получишь!

– Свинья! – сильный удар ожог его щеку. – Жандармы не были такими скотами!

Поставив подножку, Пашка повалил женщину на трупы. Одним махом он разорвал батистовую блузку и сорочку, впился зубами в розовой сосок на маленькой груди. «Тварь! Ненавижу! Ненавижу!» – осыпала его ударами женщина. Жихарев ударил ее в висок. Эсерка потеряла сознание… Когда Жихарев встал, застегивая галифе, услышал голос: «Мы тоже хотим!» Следом лег на женщину Вася. Вдруг раздалось глухое рычание, затем васин вскрик: «Ах, сука! Кусаться надумала?!» Глухой удар – и женщина снова обмякла.

– Теперь, Тихон Гаврилович, твоя очередь! – пригласил Вася, вставая с женщины.

– Я уж, ребята, по-стариковски, – Тихон Гаврилович перевернул женщину на живот.

Кончив, Тихон Гаврилович закурил. Курили и Жихарев с Фоминым. В это время женщина очнулась. Со стоном она встала на четвереньки. Тихон Гаврилович ударил ее носком сапога в висок. Раздался хруст костей, а затем удар головы об пол. Женщина дернула ногой и затихла.

– Готова! – удовлетворенно сплюнул Тихон Гаврилович.

– Ловко! – удивились Жихарев с Васей. – Гаврилыч, научи!

– Смотри, куда бить, – указал Тихон Гаврилович носком сапога на кровавое пятно на виске у женщины. – Здесь даже силы не надо. Резко ударил – костка вывалилась и прямо в мозг вошла. Мы так в охранном еще при царизме делали, когда надо было тихо кого-то убрать. Сейчас еще раз покажу на этом лысом эсере.

– Понял? – спросил Тихон Гаврилович, нанеся удар в висок трупу лысого черноусого мужчины. – А теперь, вон дед-анархист лежит… Врежь ему по кумполу для практики!

– Молодец! Способный! – похвалил Тихон Гаврилович, осмотрев труп после пашкиного удара.

День спустя в этом же подвале расстреляли мать изнасилованной эсерки – хрупкую старушку. Перед расстрелом ей рассказали об участи дочери. После расстрела Тихон Гаврилович «по-стариковски» пристроился к убитой.

Глава 5

Наступила середина августа. К этому времени Жихарева приняли в большевистскую партию. Пашку вызвали в политотдел. Там он застал давнего знакомца – Климентия Ефремовича Ворошилова.

– Слежу, Паша, за твоими успехами. Молодец! Хороший из тебя кадр вырастет! – пожал он Жихареву руку. – Такие люди нам очень нужны в Царицыне. Там сейчас решается судьба республики. С руководством я договорился. Тебя отправят вместе со мной в командировку. Будешь охранять, а больше выполнять деликатные поручения одного члена ЦК. Не беспокойся – эти поручения тебе знакомы по твоей теперешней работе!

– Тебе сейчас лучше уехать из Москвы! – вступил в разговор начальник политотдела. – По нашим данным, за тобой начали охотиться классовые враги. Работы сейчас немного. Передашь дела Тихону Гавриловичу и Васе Фомину.

– Справлюсь ли, Климентий Ефремович? Я шашкой не владею, да и на дальнее расстояние стрелять не обучен.

– Зови меня просто – товарищ Клим! А что военному делу не обучен – не беспокойся! Бывать на передовой тебе не придется. Если захочешь чему-то научиться – есть у меня один бывший лейб-гусар, чемпион по фехтованию. Он за десять дней из тебя лихого рубаку сделает, – успокоил Пашку Ворошилов.

Недолго собирался Жихарев. Маузер – в вещевой мешок, наган – на пояс, браунинг – в карман галифе.

Короткой была отвальная с Васей Фоминым, Тихоном Гавриловичем и Танькой Воробьевой.

– Эх, Паша! – обнял Жихарева за плечи пьяненький Вася Фомин. – Был я стукачом, а стал палачом…

– Не боись, Вася! Быть тебе, если не нашим красным генералом, то полковником – наверняка! А ты, Танька, не балуй! Я к тебе с серьезными намерениями, – Пашка приметил, что Тихон Гаврилович и у Воробьевой попросил «по-стариковски».

По заинтересованному танькиному взгляду Жихарев понял, что вполне может спутаться с напарником.

Через десять дней пути на бронепоезде Пашка прибыл в Царицын. Там Ворошилов представил его невысокому рябому грузину.

– Вот, товарищ Сталин, привез паренька, который вам нужен. Аттестация великолепная, послужной список отменный, – изложил Ворошилов основные пашкины дела.

– Пасмотрым, пасмотрым. Сейчас пусть отдохнет, потом изучит город, особенно – улицы, прилегающие к штабу, – распорядился Сталин.

– Как дела, Коба? Что нового? – осведомился Климентий Ефремович.

– Положение на фронте стабилизировалось, однако, этот м… – Снесарев постоянно отменяет мои указания. Генерал в прошлом, стрелять его надо…

– Для этого я паренька и привез, – кивнул Ворошилов на Пашку.

– Ты, Клим, молодец! Оттого всегда мы понимали друг друга, – медленно сказал Сталин, раскуривая трубку.

Пашка из разговора понял, что с этим человеком шутки плохи, и только беспрекословное подчинение его воли поможет удержаться на плаву находящимся рядом с ним.

Жихареву отвели небольшую комнатку рядом с комнатой, занимаемой Сталиным в неказистом домишке на тихой зеленой улочке. Пашка быстро привык к акценту Сталина, научился понимать его с полуслова, постиг смысл употребляемых им жестов. Жихарев понял, что этот

человек безмерно любит лесть, возвеличивание его ума, работоспособности и прочих достоинств. Правда, раз и он дал маху.

– Что-то все начальники, товарищ Сталин, особняки позанимали дворянские, да купеческие. Живут, как при старом режиме! А вы, в силу вашей скромности, живете в этой конуре! – попытался подольститься Пашка.

– Дураки! Думаешь, эти особняки только у тебя на примете? Случись в городе мятеж, их в этих дворцах как баранов перережут! – усмехнулся Сталин.

Жихарев еще раз удивился смекалке этого человека. Подходы к дому простреливались из пулеметов с чердаков двух соседних домов. В доме, где жил Сталин, на чердаке тоже стоял пулемет, у которого постоянно дежурила пара чекистов. Подвал дома имел подземный ход в тенистый сад. Калитка из него вела в поросшую ивняком балку. Выскочишь туда – никто не найдет.

Жихарев понял, что у Сталина крайне напряженно складывались отношения с командующим группой войск, оборонявших Царицын, – бывшим царским генералом Снесаревым. Однажды он стал свидетелем их спора на заседании военного совета.

– Вы опять отменили мое указание, Снесарев? – спросил Сталин, недобро глядя на командующего.

– Ваше указание безграмотно в военном отношении, – парировал тот.

– Это – политическое указание, а комиссар здесь —я!

– Это указание безграмотно и в политическом отношении, товарищ Джугашвили!

– Я вам не товарищ! Я для вас – гражданин! А ваших товарищей – белых генералов – мы скоро перетопим в Волге!

– Долго будете топить, сидя в кабинете, и ни разу не побывав на передовой, гражданин Джугашвили! – сделав издевательскую интонацию на слове «гражданин», ответил Снесарев.

После совета Ворошилов ужинал у Сталина. Пашку, который прислуживал за столом, уже не стеснялись.

– Стрелять эту падлу надо! – сказал Ворошилов, опрокинув стакан водки.

– Сначала на передовую съездим. Ты, Клим, послезавтра сними со своего участка бронепоезд. Будем поднимать боевой дух наших славных бойцов!

Через день Сталин, прихватив Пашку, выехал на бронепоезде в расположение полка красных казаков, которыми командовал Тимошенко. По приказу Ворошилова полк поднялся в атаку и провел бой с полком кубанских белоказаков. С восхищением все наблюдали за Тимошенко. Громадного роста, на громадном белом коне, громадным японским мечом рассекал он надвое противников. «Береги его, Клим! Такие люди не только на войне, но и после войны потребуются!» – кивнул на командира полка Сталин. Поплевав на позиции белых снарядами, пострекотав пулеметами вслед отступавшим кубанцам, бронепоезд вернулся в Царицын. В штабе уже ждал взбешенный Снесарев.

– Знаете, во что обошлась ваша показуха с выездом на передовую? – спросил он Сталина. – Вы лишили пехоту поддержки бронепоезда. В результате два батальона пехоты изрублены донцами Мамонтова. Неприятель овладел хутором Горячий. Им взяты высоты 286 и 287, установлен контроль над Кривой балкой. Я вынужден телеграфировать в Москву о выражении вам политического недоверия и об отзыве вас из действующей армии.

– В таком случае, вы арестованы как изменник революции и дезорганизатор фронта! – кивнул Сталин Пашке.

– Руки вверх, лицом к стене! – направил Жихарев наган на командующего.

Ворошилов снял с него портупею с револьвером и шашкой с золотым эфесом и надписью «За храбрость». Пригласив в кабинет, разоружили и адъютанта командующего. Сталин вызвал по телефону сотрудников губчека.

– Товарищи! – обратился к ним Ворошилов. – Заберите этих гадов – изменников революции и дезорганизаторов фронта. Задержали их при попытке перейти к белым.

– Пойдем, ваш бродь! – устало сказал смуглолицый пожилой чекист.

– Клим! Срочно телеграмму в Реввоенсовет Республики! Командующий, – бывший генерал Снесарев дезорганизовал фронт. Готовил заговор с целью сдачи Царицына белым. Задержан при попытке перехода к белым. Требуем объявления вне закона со всеми вытекающими последствиями. Сталин, Ворошилов.

– Будет исполнено, Коба! – вылетел в телеграфную Климентий Ефремович.

Телеграмма за подписью Троцкого об объявлении Снесарева вне закона и предании его революционному трибуналу пришла неожиданно скоро – во втором часу ночи. Троцкий давно хотел свести счеты со строптивым командующим, ни в грош не ставившим партийных вождей. В третьем часу ночи собрался революционный трибунал. Возглавлял его тот же смуглолицый чекист, который арестовал командующего. Снесарева, его адъютанта и начальника штаба, арестованного часом позже, ввели в подвальное помещение.

– Гражданин Снесарев! – начал заседание смуглолицый. – Вам предъявлено обвинение в дезорганизации армии, подготовке белого заговора, попытке перейти на сторону контрреволюции. Что вы можете сказать в свое оправдание?

– Товарищи! – начал Снесарев. – Сталин – политический авантюрист. Для достижения своекорыстных целей он готов идти по трупам. Ему безразлично: сколько будет трупов: тысячи, сотни тысяч, миллионы, десятки миллионов. Ему важно по их костях дойти до вершины политической власти. Сей новоявленный Бонапарт, прибыв на фронт, кидался от одной авантюры к другой. Его безмерная жажда славы и безграмотные решения неоднократно ставили под угрозу всю оборону города. Только своевременное вмешательство командования группы войск и его полевого штаба позволили отстоять город, не дать войскам Деникина и Колчака соединиться в приволжских степях. Не благодаря Сталину, а вопреки ему героическая оборона города стала успешной. Как командующий войсками я был вынужден выразить Сталину политическое недоверие и потребовать его отзыва из Царицына. В ответ против меня сфабрикованы обвинения, которые я отвергаю как клеветнические!

– Ты, паскуда, товарища Сталина не марай! – строго сказал Ворошилов. – Товарищ Сталин пользуется безграничными уважением и любовью всех бойцов Красной Армии и в-первую очередь кавалеристов. Мы за товарища Сталина весь Царицын перевернем! Да что Царицын? Все Поволжье! Что вы этого изменника слушаете?! У него на роже написано – контра!

– Какие мнения будут у членов трибунала? – спросил смуглолицый.

– Товарищи, разрешите последнее слово! – не сдавался Снесарев.

– Последнее слово – пережиток буржуазного суда, наследие проклятого царизма! – оборвал его молодой человек в желтой кожаной куртке.

В это время принесли шифровку от Троцкого, предписывавшего под охраной отправить Снесарева в Москву. Сталина вполне устроило такое решение.

– Мы еще встретимся с ним! – произнес он.

В пять часов утра Пашка со смуглолицым отвезли на катере на середину Волги начальника штаба и адъютанта Снесарева. Застопорили машину. На корме зажгли фонарь. Из трюма вывели приговоренных, раздетых до исподнего, со связанными руками и колосниками на шеях.

– Дайте папиросу! – попросил адъютант.

– Некогда тебя ждать! Сам сознательность должен проявить! А то я и арестовывай, и суди, и приговор в исполнение приводи. Становись! – приказал смуглолицый и шепнул Пашке. – Ты, парень, приехал и уехал, а мне тут работать. Поэтому стреляй штабного, а я – адъютанта.

Одновременно щелкнули выстрелы. Одновременно у начальника штаба и адъютанта на левой стороне груди выступили кровавые пятна. Одновременно упали они в воду… Той же

ночью были арестованы все сторонники Снесарева. Их зарубили в двух верстах от города. Оборона Царицына была лишена мозга.

Золотые часы, портсигары и кольца, обмундирование казненных Пашка обменял на две бутылки водки, половину осетра и хлеб.

– Твое дело – молодое, Жихарев. Иди – гуляй! – отпустил Пашку Сталин.

Жихарев направился в городской сад.

– Солдатик, побаловаться не желаешь? – окликнула его волжанка лет двадцати – широкоскулая, курносая, белоголовая, коротконогая и вислозадая.

– В рот берешь? – спросил Пашка, когда они спустились на берег Волги.

– Что ты, солдатик! Мы этому не обучены. – Старорежимных пронституток еще по весне в Волге перетопили. А мы – фабричные от голодухи этим промышляем. Где уж нам до столичных выкрутас?! – отвечала волжанка, ложась на спину.

С чавканьем ела она хлеб во время полового акта. Когда все съела – стала торопить:

– Кончай скорей! Комендантский час приближается!

Она быстро освободилась из-под Пашки, когда тот кончил. Оправляя юбку спросила:

– Хочешь еще? Давай хлеба!

– Иди уж, шкура! – развернул Пашка волжанку и дал ей пинка.

Глава 6

Уничтожив штаб армии, а также всех штабистов «из бывших» в корпусах, дивизиях, полках, Сталин положил начало конца обороны Царицына. Поставленные во главе обороны города чудом уцелевшие бывшие полковники царской армии Егоров и Клюев мало что стоили с новым составом штабных работников – унтерами и вахмистрами в прошлом. Утраченная тактическая инициатива обрекла города на падение. Сталина к тому времени отозвали в Москву. Уже в дороге стало ему известно о падении Царицына ранении Егорова и начальника Конного корпуса Думенко.

– Теперь все скажут, – рассуждал вслух Хозяин. – «Был Сталин – стоял Царицын. Уехал Сталин – пал Царицын!» Оборона Царицына войдет в историю гражданской войны, будет вписана в нее золотыми буквами!

Он оказался прав. Немало аналогичных сражений развернулось на полях войны. Но там не было Сталина. Оборона же Царицына, действительно, вошла во все учебники. Хотя именно с падением этого города армии Деникина, наступавшего с юга, и Колчака, наступавшего с востока, получили возможность объединиться и нанести решительный удар по Советам. Лишь желание каждого из этих руководителей белого движения войти в Москву первым спасло революцию от поражения.

Наступила осень 1919 года. Пашка находился при Сталине. Какое-то время тот был не у дел. Наконец, было получено назначение в Питер. На бывшую столицу вел активное наступление генерал Юденич. Считалось, что Сталин имеет большой опыт руководства оборонительными операциями. Кроме того, надлежало морально поддержать питерское руководство, в-первую очередь Зиновьева, которое не контролировало ситуацию.

– Прибыл ли бронированный вагон? – встретил вопросом Зиновьев Сталина.

– Зачем тебе бронированный вагон? Можно и на крыше товарного уехать! – усмехнулся Сталин.

– Ты не знаешь ситуацию, Коба! Город падет со дня на день! Я просил и у Ленина, и у Троцкого! Я им телеграфировал… Враг сжимает город кольцом! Внутри города враги! Я каждую минуту жду выстрела в спину или удара кинжалом!

– Успокойся, товарищ Григорий! Питер мы не отдадим! Поэтому никаких вагонов не будет. Что касается врагов внутри города, вот, привез тебе очень способного молодого человека по части их уничтожения, – кивнул на Пашку Сталин.

Через полчаса в кабинете начальника петроградской чека Глеба Бокия был разработан план предстоявшей операции. Бокий оказался деловым человеком. Все находившиеся в Питере генералы и офицеры были взяты на учет. Тоже сделали с бывшими жандармами, царедворцами, титулованными особами, крупными капиталистами. Три ночи подряд по спискам забирали этих лиц и сажали в тюрьму. Три дня подряд красноармейцы из саперного батальона рыли ров в районе Пулковских высот. Затем три ночи подряд этом рву расстреливались потенциальные противники советской власти. Стреляли из пулеметов. Затем в ров спускались чекисты, добивали раненых. Трупы заваливали слоем песка. На этот слой падали новые тела. И так до тех пор, пока ров не заполнялся. К этому времени был подготовлен следующий ров, и все начиналось сначала.

Сам Пашка в эту поездку расстрелял только одного человека – попа Флориана Богоявленского, который не дал внести тело его отца в церковь. Может быть, сам Пашка и не вспомнил бы этого, но напомнила мать.

– Контра – он! – сказала маманя. – Все время служит молебны за упокой убиенного раба божьего Николая. На седьмое ноября – на день революции – заупокойную литургии закатил!

Ты, вот, начальником стал, а за отца рассчитаться не можешь! Да и тебя он частенько за уши драл на уроках Закона Божьего!

– А разве его не шлепнули летом восемнадцатого, вместе с другим попами?

– Дурак ты! – фыркнула мать. Тогда только иереев – высших чинов – расстреляли. Теперь и кладбище, где их кокнули, зовут «у пятидесяти мучеников».

Пришло время выезжать на расстрелы. За Жихаревым заехала машина, и он направился к Богоявленсокму.

– Собираться с вещами? Обыск делать будете? – осведомился отец Флориан.

– Вещей не надо. Мы едем не надолго. Нужно отсоборовать умирающего в тюрьме, – соврал Пашка.

Когда приехали в Пулково, Жихарев указал на небольшую толпу приговоренных.

– Вон сколько, тебе отсоборовать надо!

– Отпустите грехи, святой отец! – потянулись к священнику люди.

Всем отпустил грехи отец Флориан и долго еще стоял на краю рва, подбадривая привезенных на казнь. Забрезжил рассвет.

– А теперь я тебя отсоборую! – вытащил браунинг Жихарев.

– Искариот ты, Пашка! Иудой был, Иудой и умрешь! И власть ваша – антихристова, на погибель России, на погибель людям!

Жихарев выстрели в рот отцу Флориану. Брызнули в разные стороны зубы. Кровь начала заливать рот, течь по бороде. Совсем белыми стали глаза, и только зрачки как две черные точки смотрели куда-то вдаль. Зашатался отец Флолриан, захлюпал и свалился в ров. Был он стар и вдов, поэтому никто его не хватился.

Глава 7

Летом 1920 года началась война с Польшей. Сталин получил назначение членом Военного совета Юго-Западного фронта. Жихарев, к которому он проникся доверием, хотя полностью не верил никому, Хозяин взял с собой.

Переброшенная с юга России Первая Конная Армия под командованием Буденного нанесла полякам ряд сокрушительных поражений и в начале августа вступила на территорию Польши. Здесь, в городишке Броды, произошел с Семеном Михайловичем конфуз. Встретила его хлебом-солью делегация местных евреев. Посмотрел он на лапсердаки, ермолки, очки, бороды и велел пустить всех делегатов в расход. Именно в этот момент в Бродах оказался и Жихарев, направленный с пакетом к Буденному. Поняв, что к чему, Пашка предложил Семену Михайловичу свои услуги.

– Слишком большая честь, чтобы на них патроны тратили! Сейчас хлопцы их в шашки возьмут! – ответил командарм и махнул рукой голубоглазому парнишке с льняным чубом.

Со свистом рассекла воздух шашка, и голова старого еврея, хлопая глазами, со стуком покатилась по мостовой. Несколько секунд стояло тело, обдавая окружающих струями крови, а затем рухнуло под копыта парнишкиного коня. Снова засвистела шашка, и рыжий раввин, схватившись за голову, со стоном осел на мостовую.

– Товарищи! – закричал сорокалетний еврей, подняв натруженную руку. – Мы – делегация трудящихся евреев! Мы за Советы!

Длинная пика вонзилась ему в горло. Хлынул фонтан крови, и, закатив глаза, еврей свалился на трупы. Побежали двое еврейчиков, поскакали за ними двое конников. Свист шашек – и уже не двое, а четверо еврейчиков лежат в пыли. Упав на колени, умолял о пощаде шестой делегат.

– Кто таков? – спросил Семен Михайлович проходившего мимо украинца.

– Тай, жидовський учитель! – скорчил тот презрительную гримасу.

Свисая с коня, чтобы достать клинком, поскакал кавказец в коричневой черкеске, и еще одна голова упала на мостовую. Парнишка с льняным чубом нацепил на нее свалившиеся очки и вставил в рот окурок.

– Ты, Семен, больше так не делай! – строго сказал Сталин при встрече с Буденным. – Дело не в этих жиденышах! Всех их к ногтю надо! Но сейчас такими действиями ты подрываешь доверие к нам трудящихся панской Польши. Присоединим Польшу – тогда все они краковяк запляшут. А пока нельзя! И грабежи прекрати!

Основной работы пока у Пашки не было. Активно шло наступление. Пленных поляков после допросов расстреливали или рубили шашками. Лишь несколько высоких чинов – майоров и полковников держали на случай обмена пленными. Да и пленных поляков было немного. Они держались до последнего патрона, а потом бросались в рукопашную. Развязка в таких случаях наступала мгновенно. Пашке пришлось расстрелять нескольких военспецов «из бывших», несогласных с решениями Сталина. Их быстро обвиняли в измене, быстро собирали трибунал, быстро выносили приговор, который Жихарев быстро приводил в исполнение. Хоронить казненных не требовалось – их гибель всегда можно было списать на поляков. Большую часть времени Пашка исполнял роль адъютанта. Он разъезжал по частям с поручениями, сопровождал Сталина в поездках, прислуживал за столом. Частенько бывали у Сталина в гостях Семен Михайлович с Климентием Ефремовичем. В таких случаях загодя приезжал ординарец Буденного. Привозил вина и коньяки из подвалов польских шляхтичей, немудреную закуску и гармонь-трехрядку. Пашка шел в обоз, тоже брал коньяк – российский, «шустовский» – пару бутылок «смирновской» водки, поскольку Ворошилов пил только ее. Вечером троица сходилась, обсуждала военные проблемы, выпивала. Потом Семен Михайлович брал

гармонь, и долго пел с Ворошиловым русские, донские и украинские песни. Случалось, заходил командующий фронтом Егоров. Но тот выпивал рюмку-другую и откланивался.

– Полковник, что с него взять! – усмехалась вслед троица.

Постепенно чисто мужское общество наскучил приятелям. Пашке велели поставлять к столу к столу девчат из политотдела фронта. Те за время войны истосковались по любви. Кроме того, девушкам льстило, что любят их не писари с ординарцами, а высшие руководители Красной Армии. Перепадало и Пашке. Правда, чего-то необычного он не испытывал. После Таньки Воробьевой секс казался ему пресным. Однако памятуя случай в Царицыне, обращаться к девушкам с предложениями чего-то нетрадиционного он не решался.

Глава 8

В этот период серьезные разногласия, перешедшие в 16-летнюю ссору, начались между Сталиным и командующим Западным фронтом Тухачевским. Тот доказал, что именно его фронт является приоритетным направлением для главного удара. Поэтому он потребовал передать ему Первую Конную армию. Однако Сталин не хотел делить с кем-либо лавры победы. К тому же, взмолились Ворошилов и Буденный – под крылом Хозяина им прощались многие грехи. Не хотелось им прощаться с вольницей. Поэтому троица саботировала решение Реввоенсовета до тех пор, пока в дело не вмешался сам Ленин.

– Тяжело придется без кавалерии, – застонал Егоров.

– Кавалерию отдадим, но направление главного удара менять не будем! – пыхнул трубкой Сталин.

– Но таким образом, мы поставим под угрозу срыва главную директиву партии – установление советской власти в Польше, а затем – в Германии! – возразил Егоров.

– Польша и Германии – лишь две страны! Мы перейдем через Карпаты и установим диктатуру пролетариата не только в Польше, но и в Венгрии, Чехословакии, Румынии, на Балканах. А там, на очереди – Греция и Турция. Что дольше: две страны или десяток? Да и в Италии нас поддержат – там сильная компартия. А Тухачевский пусть берет Варшаву с Берлином!

– Тухачевский добился серьезных военных и политических успехов. Создана Белостокская Советская республика, которую возглавил Дзержинский.

– Слушай, Егоров, – прервал командующего Сталин. – Расскажи: за что ты два своих первых креста получил в девятьсот пятом и седьмом годах? Думаешь, мне не известно, что ты расстреливал мирных демонстрантов в Тифлисе, а позже отличился при штурме баррикад? Будешь брать Львов или поворачиваешь фронт на Варшаву?

– Буду брать Львов, – прошептал побелевший Егоров.

Передача Конной армии Западному фронту позволила Тухачевскому развить стремительное наступление на Варшаву. Конники Буденного достигли ее восточных окраин. Однако быстрые темпы наступления на обоих фронтах привели к отрыву воинских частей от тылов. Артиллерия осталась без снарядов, стрелки и конники – без патронов. Ошибкой руководства Юго-Западного фронта, пошедшего не на Варшаву, а на юг, на Львов, воспользовалось польское командование. На стыке фронтов оно сосредоточило мощную ударную группу. Поскольку наступление велось в разных направлениях, она оказалась незамеченной. Затем последовал сокрушительный удар по тылам и флангам фронтов. Началось, столь же стремительное, как и наступление, бегство Красной Армии.

Жгли документы штабисты, всюду царила полная неразбериха. Разводил пары бронепоезд, на котором драпало руководство фронтом. Жихарев подбежал к амбару, где сидели пленные польские офицеры.

– Сколько их? – спросил Пашка у часового.

– Девять душ, – последовал ответ.

– Вот именно – уже душ! Выводи!

– Эй, панове! Выходьте! – лязгнул засовом часовой-коротышка в разбитых сапогах.

Пашка заметил, что восемь офицеров примерно одного роста и выстроил их в затылок друг другу. Девятого – высокого майора – оставил под присмотром часового.

– Длинный! Русский знаешь? – спросил он майора.

– Знаю…

– Тогда переведи, чтобы стояли спокойно, не вертели

головами! – велел Пашка, доставая маузер.

Затем пристроил оружие к затылку лысого подполковника и выстрелил. Тот, брызнув фонтанчиком крови, повалился ничком. За ним – остальные поляки.

– Быдло! – бросился на Пашку высокий майор.

Штык часового вошел ему в живот. Со стоном поляк упал навзничь. Жихарев выпустил ему пулю – тоже в живот. Стоны перешли в крики. Суча ногами, поляк умолял пристрелить его.

– Так подохнешь! – ответил часовой вытирая штык. Краем глаза Пашка увидел, что еще жив офицер, стоявший в строю последним. Однако добивать его не было времени. Жихарев подоспел, когда бронепоезд уже тронулся. Артиллерия, склады, лазареты – все было брошено. Поделив оставшиеся патроны, пустились наутек воинские части. Так закончилась для Пашки гражданская война.

Глава 9

В начале 1921 года в Петрограде начались забастовки рабочих, вызванные голодом. Тогда же моряки Кронштадта, солдаты его береговых частей, рабочие судоремонтных заводов подняли мятеж против голода, продовольственной разверстки и диктата большевиков. Вместе с военными – делегатами X съезда большевистской партии – Пашка оказался на подступах к Кронштадту. В его задачи входила ликвидация взятых в плен мятежников. На штурм города-острова шли по льду Финского залива. Когда Жихарева везли в город на санях, он видел сплошной ковер из трупов атаковавших, раскинувшийся на три километра. Льда под телами не было видно. Были забиты трупами и полыньи, образовавшиеся от разрывов снарядов. Масса убитых лежала на улицах города. В Кронштадте Пашка встретил Ворошилова.

– Единственная надежда на тебя, Паша! – обнял тот Жихарева. – Пленных скопилось несколько тысяч. Кормить нечем, медикаментов своим не хватает. Казематы крепости могут вместить только половину сдавшихся мятежников. Выручай, брат! Ты у нас – крупный специалист.

В главном дворе крепости сидели и лежали на снегу несколько тысяч человек. Среди черно-серого моря матросских бушлатов и солдатских шинелей пятнами выделялись коричневые кожанки и синие поддевки рабочих. С галерей форта на них было направлено десятка два пулеметов. Договорившись с вновь назначенным комендантом из большевиков о порядке размещения пленных в казематах, Пашка приказал мятежникам подняться и рассчитаться «на первый-второй».

– Четные номера, шаг вперед! Направо! Первая ко мне шеренга, шагом марш! – отдавал приказания комендант.

Более полутора часов ушло на размещение пленных в казематах, а Пашке казалась, что двор все еще полностью забит людьми. Наконец, комендант доложил, что все отобранные размещены по помещениям.

– Все битком забито! – отдувался он, утирая пот со лба.

– Пулеметчики, готовьсь! – скомандовал Жихарев. – Пли!

Разом ударили двадцать пулеметов. Крики и стоны взмыли над двором. Аккуратно, рядами падали пленные, окрашивая снег кровью. Когда все полегли, Пашка махнул браунингом:

– Чекисты, за мной!

На решетке калитки, ведущей с галереи во двор, повис старый матрос. Он задыхался, кровь ручьем текла из его рта. Выстрелом в глаз Пашка прервал мучения старика. Лязгнул засовом комендант, пропустив Жихарева вперед. Труп старика оторвался от калитки и мазнул окровавленной головой по новой бекеше Жихарева.

– Оттащите эту падаль! Сука! Новую бекешу изгадил! – выбил Пашка ударом ноги второй глаз покойнику.

Живо принялись три десятка чекистов за дело. Затрещали одиночные выстрелы. Пять раз перезаряжал Жихарев свое оружие. Последних пристреливали уже в сумерках. Неясный, но зловещий гул донесся откуда-то из-под земли.

– Товарищ, комендант! Учуяли пленные, что их дружков расстреляли. Такое творят! – подбежал перепуганный красноармеец.

Когда Жихарев с подручными вышел из двора, он почувствовал, что его ноги промокли. Посмотрел вниз – сапоги до колена в крови. В крови были и полы бекеши. Такой же вид был у коменданта и чекистов. Оставляя кровавые следы, команда спустилась в подвал. Бесновались, рвали решетки, пытались выбить стальные двери матросы.

– Запоры и решетки крепкие? – спросил Жихарев.

– Еще бы! При царе, на Путиловском делались, – самодовольно усмехнулся тот.

– Ну и хрен с ними! Пусть орут! Пойдем, у нас завтра много работы. Лошади и подводы нужны, канаты, колосники от топок и большие камни. Трупы топить будем! Санки нам приготовь! Большие проруби найти. Если не найдем, взрывчатка потребуется: лед взрывать будем.

Ни взрывать лед, ни искать полыньи не пришлось. Километрах в девяти от острова обнаружили разлом льда, оставленный, очевидно, английским ледоколом. Потянулись подводы с убитыми. Женщины толпились у ворот крепости, старались заглянуть под рогожи, которыми были прикрыты тела убитых. «Сержик! Мой Сержик!» – устремилась за подводой худенькая женщина лет тридцати. Сопровождавший подводу чекист оттолкнул ее, но она поднялась и пошла за санями.

– Иди отсюда, курва! – лязгнул затвором чекист.

– Идиот! Нельзя на виду у людей – прошипел ему Пашка и обратился к женщине. – Гражданочка, откуда вы знаете, что он здесь? Кто он вам?

– Здесь мой муж. Видна его рука. На ней химический ожог. Он был командиром гальваников на корабле. Умоляю: разрешите проводить его!

Пашка велел откинуть рогожу. Под ней лежал шатен в офицерском кителе. Пуля попала ему прямо в сердце

– Вот, гражданочка, видите, легкой смертью ваш муж умер – не мучился. Садитесь в сани, а то пока доедем – простудитесь, – пригласил Жихарев.

Доехали до разводья. Без лишней суеты чекисты и красноармейцы принялись выгружать из саней трупы, привязывать к ним груз и сталкивать в воду. Быстро исчезали в глубине Балтики солдаты и матросики. Взяли и Сержика. Привязали к его ногам кусок рельса и столкнули под лед. Мелькнуло бледное лицо, взметнулись каштановые волосы, и пошел Сержик к своему последнему приюту. Чекист впился в руку жены Сержика и поволок ее за торос.

– Братва! Кому погреться хочется – давай сюда! – крикнул он.

С гоготом окружили женщину чекисты и красноармейцы. Визг, а затем крик, перешедший в стоны раздались из-за тороса. Одни топили трупы, другие бегали за торос, а потом сменяли первых. Наконец, все тела были утоплены. Пашка заглянул за торос. Там лежала уже мертвая женщина. Между ног у нее было сплошное кровавое месиво. Рядом валялась оторванная грудь.

– Сволочи! Никакого уважения к начальству! Нам не оставили! – ругнулся комендант и столкнул женщину в воду, ударом сапога отправив следом за ней и грудь.

На следующий день казнили руководителей мятежа. Их было девятнадцать. Во дворе отдаленного форта Пашка расстрелял их в затылок. Затем тела засыпали углем, залили мазутом и подожгли. Даже Жихареву, многое повидавшему в Гражданскую, было жутко смотреть, как корчатся покойники в огромном костре. Когда костре прогорел. Чекисты ломами раскололи еще красные от жара черепа, сгребли пепел с остатками костей железные ящики и утопили в той же полынье, оставленной ледоколом.

В это время в казематах связывали остальных мятежников. Каждая двадцатка пленников скручивалась одной веревкой. Весь день и вся ночь ушли на эти приготовления. Утром всех их выстроили в главном дворе.

– Граждане, контрреволюционеры! – обратился к ним Пашка. – Вы направляетесь в Соловецкий дом заключения, где самоотверженным трудом искупите свою вину перед революцией.

Сам же направил колонну к уже знакомой полынье. Прошли около тех верст, когда в одной из людских связок начал волноваться рыженький матросик.

– Братва! Не туда ведут! На Соловки путь через Питер, а мы на Моонзунд курс держим! – заметался он.

Не говоря ни слова, Жихарев выстрелил ему в лоб.

Колонна двинулась дальше, волоча за собой труп рыженького. Наконец, подошли к разводью. Его затянуло тонким ледком. Под ним проглядывало всплывшее тело жены Сержика.

– Эх, яблочко, да оловянное, Советская власть – окаянная! – приплясывал у края полынью высокий щеголеватый матрос в широченных клешах.

Пашка выстрелил ему в живот. Матрос замер, удивленно глядя на Жихарева. Тот еще раз выстрелил в живот. Моряк переломился пополам, его начало рвать. Затем ноги не удержали его, и парень соскользнул в полынью. Заскользил за ним следующий в связке матрос. «И-эх! И-эх!» – хватал он воздух, выныривая из кровавой воды. Третий моряк – коренастый крепыш с черными как смоль усами – стоял, упершись каблуками в ледяную выбоину. Его лицо побагровело, на шее вздулись вены, капельки пота выступили на лбу. Пашка взял из саней кувалду и стукнул матроса по голове. Глаза крепыша закатились, красноту на лице сменила бледность. После еще одного удара крепыш заскользил полынью, увлекая за собой остальных. С матом и воплями полетели матросы в ледяную воду. Еще несколько минут она бурлила, вращая расколотый лед.

– Понятно, как делать? Бей их по головам! – приказал Пашка.

Взметнулись вверх приклады, топоры, кувалды. Били по головам двух-трех матросов в связке, находившихся ближе к полынье. Потеряв сознание, они падали в воду, таща за собой остальных. Не обошлось без потерь. В падении один из матросов сумел достать ногой зазевавшегося чекиста – того самого, который первым изнасиловал жену Сержика. Раскорячившись, чекист полетел в ледяную воду. С воплем вынырнул он из воды. Ноги в черных клешах обвились вокруг шеи чекиста. Тот впился левой рукой в труп жены Сержика, правую тянул к товарищам. В следующую секунду тело женщины вынырнуло наполовину из воды и опрокинулось на чекиста, увлекая его в глубину. Последней утопили связку, тащившую труп рыженького матросика. Он пошел на дно, мелькнув ботинками с оторванными каблуками…

За эту операцию Жихарев получил орден Красного Знамени – свой первый орден.

Глава 10

По возвращению из Кронштадта Пашку вызвал Петерс.

– Какое-нибудь образование имеешь? – спросил он Жихарева.

– Окончил церковно-приходскую школу.

– Что считать умеешь, помню по восемнадцатому году. Писать умеешь тоже – видел твои росписи за получение пайков и жалования. Есть решение направить тебя на учебу…

– По коммерческой части? – вырвалось у Пашки.

– Пока нет. Пойдешь на рабфак имени Бухарина. Год поучишься, пополнишь образование. А там посмотрим, что из тебя получится.

– А паек? А жалование? Стипендия у студентов такая, что ноги протянешь с голодухи!

– Будут тебе и паек, и жалование. Только это надо отработать!

– Я, товарищ Петерс, всегда готов! Маузер ваш еще даже в деле не был…

– Этого не потребуется. Вася Фомин и Тихон Гаврилович вполне справляются. Работа будет более легкая. Надо внимательно слушать, что говорят, и докладывать о настроениях рабфаковцев. Особенно, запоминай тех, кто хвалит Троцкого!

Уходя от Петерса, Пашка мысленно перефразировал слова Васи Фомина: «Был палачом, а стал стукачом».

– Жихарев! – окликнул Пашку Петерс, когда тот уже был в дверях. – Я слышал, ты интересуешься нашей сотрудницей Татьяной Воробьевой. Она находится на выполнении особо важного задания. Поэтому не разыскивай ее. Лучше, вообще забудь, что есть такой человек!

Аналогично Петерсу, проинструктировал Пашку и Сталин.

– Здоровье Ильича подорвано, – говорил он в своей квартире в Кремле. – Скоро, очень скоро начнется борьба за его пост. Первый претендент на это место – Троцкий, очень гадкий человек. Он всегда боролся с Ильичом за лидерство в партии, всегда вредил ему. Если он станет главой правительства – учение Ленина, его дела будут перечеркнуты. Поэтому, готовясь к будущим боям, мы должны знать всех сторонников Троцкого, их настроения, их планы. Я очень надеюсь на тебя, Жихарев!

Потекли дни учебы на рабфаке. Она давалась Пашке легко. Да и уроки дяди не прошли даром. Внимательно следил Жихарев за партийной жизнью, за дискуссиями в партии, за борьбой между Лениным и Троцким. Все разговоры о политике, все высказывания в поддержку Троцкого, а также списки его сторонников из числа слушателей и преподавателей рабфака Жихарев еженедельно передавал в ОГПУ, в которое переименовали ВЧК. Еженедельно он бывал в квартире Сталина, сообщал ему все виденное и слышанное. «Учись, Жихарев! – подбадривал его Хозяин. – Скоро ты понадобишься. Но ты будешь не простым исполнителем приговоров. Мне нужны грамотные помощники!»

Почти со всеми слушателями Пашке удалось найти общий язык. Только один – донецкий шахтер Ваня Стецко подозрительно смотрел на Жихарева. «Везде у тебя, Жихарев, записано, что ты из рабочих. А руки-то у тебя без мозолей, как у барина. Я, например, из трудящихся – так у меня руки в мозолях. А ты – скрытая контра!» – мрачно бросил он однажды Пашке при всей группе. С тех пор шахтер стал травить Жихарева. Пошел Ваня и в партийную ячейку, докладывать свои выводы. Там ему объяснили: кто и откуда Жихарев. Тогда он при всех заявил, что Пашка – доносчик и тайный агент. На счастье Жихарева учебный год кончился, а после каникул началась специализация, и их с Ваней пути-дороги разошлись. Вновь они встретились в 1937 году. Однако Пашка держал врага в поле зрения. Он мог бы укатать Стецко и по Шахтинскому делу, и по делу Промпартии, и по делу Транспортно-промышленного комитета, которые были возбуждены ОГПУ против инженеров-вредителей. Но Жихарев оберегал Ваню, давал ему возможность получать новые чины и награды. Пашка ждал своего

часа. Этот час пробил через пятнадцать лет. Бывшего члена обкома партии, бывшего начальника угольного треста, бывшего орденоносца, а ныне вредителя, троцкиста и немецкого шпиона привезли в Москву. Шесть свидетелей подтвердили выдвинутые против Стецко обвинения. Пашка встретился с бывшим сокурсником в кабинете следователя. Руки Стецко были прибиты к столу гвоздями, под все ногти были загнаны иголки. За спиной у арестованного стояли два следователя. После каждого вопроса один бил по правому, а другой – по левому уху.

– Вот, сука! Десятый час допрашиваем – не раскалывается! – посетовал ведший допрос капитан госбезопасности.

– Ничего, сейчас заговорит, – сказал Жихарев и нанес несколько ударов по позвоночнику, от которых Стецко потерял сознание.

– Ты всегда гордился своими мозолями, – продолжил Пашка, когда подследственного привели в чувства. – Теперь у тебя их не будет.

Жихарев налил в ведро серную кислоту. Оставив на гвоздях рваное мясо, следователи оторвали ванины руки от стола. Они подтащили Стецко к ведру и опустили туда его руки. Ваня глухо зарычал, затем заматерился, затем заплакал.

– Выньте руки! Выньте руки! Я все подпишу!

– Нет, Ваня! Будешь кислотой руки мыть, пока не обоссышься! – ухмыльнулся Пашка.

Еще через пару минут Стецко описался. Всхлипывая от боли и унижения, он подписал протокол допроса, заранее написанный следователями, где он признавался и в троцкизме, и шпионаже, и во вредительстве.

– Сегодня отдыхай! – бросил ему Жихарев. – Завтра встретимся снова, потому что ведут от тебя нити шпионского заговора в наркомат. Долго я ждал этой встречи. Дорого был готов заплатить за твои слезы. Сегодня их вижу бесплатно, и прольешь ты их море!

Ночью Пашке позвонили на квартиру и сообщили. Что подследственный Стецко до смерти разбил свою голову о стену в камере.

Глава 11

Но все это было позже. Тогда же начиналось лето 1922 года. Пашку вызвал недавно назначенный начальник спецотдела Паукер.

– Мы внимательно следим за вашей учебой и другой деятельностью. Мы вами довольны. Принято решение готовить из вас специалиста по ядам. Наверняка враги захотят отравить наших вождей. Поэтому нам необходимы специалисты, умеющие разрабатывать противоядия, умеющие обнаруживать яд в пище, жидкостях, воздухе, на мебели, одежде и тому подобное. Задача ответственная. Мы даем вам десять дней отдохнуть в нашем подмосковном санатории. Далее приступите к занятиям в фармакологической лаборатории медицинского института. Вам будет открыт доступ в любую интересующую вас библиотеку, в любой архив. В-первую очередь займитесь изучением состава различных групп ядов. Научитесь сами составлять их. К вашим услугам будут все профессора-медики. Дерзайте! – напутствовал Жихарева новый начальник.

Незаметно пролетели десять дней, проведенных в санатории. Сытная пища, процедуры, гимнастика, настольные игры, купания в пруду, экскурсии, ежедневный показ кинофильмов – показались Пашке настоящим раем. Тяжело было лишь с женщинами. Их было немало, но строг был персонал санатория. Все знали, что если во время так называемых «ночных обходов» кого-то из мужчин застанут в женской палате или наоборот – «нарушители режима» будут немедленно изгнаны не только из санатория, но и из органов. Да и неуютно было заниматься любовью в палатах, рассчитанных на четверых пациентов. Поэтому отдыхающие практиковали «кустотерапию» в укромных уголках обширного парка, принадлежавшего санаторию.

Жихарев прибыл на следующий после заезда отдыхающих. Почти все женщины, за исключением особенно страшных или действительно больных, которых кроме лечения ничего не интересовало, были разобраны. Несколько дней и вечеров Пашка провел в одиночестве. Наконец, повезло и ему. Гроза застигла Жихарева, когда он возвращался с купания. Чтобы не промокнуть, он свернул с главной аллеи, зная, что неподалеку есть старая беседка. На нее мало-кто из отдыхающих обращал внимание. «Не ахти-какое убежище, но мокрым не буду, – подумал Пашка, добежав до беседки. – За полчаса гроза кончится – успею на обед. А пока почитаю». Но почитать ему не удалось. Минуту спустя в беседку вбежала черноволосая красавица Лика – секретарша начальника медицинского управления ОГПУ. Это было пухленькое создание с агатовыми глазками и жемчужными зубками, прикрытыми губками бантиком. Начальник навещал ее через день. Он привозил икру, пирожные и обязательно дорогие вина. Парочка уединялась в кабинете главного врача, которого она бесцеремонно выставляла. Ни один из самых лихих сердцеедов не осмеливался добиваться ликиного расположения.

– Вот, б…! – говорили они. – И что она нашла в этом старом козле?

– Молодец! – возражали женщины. – Никакой он не старый! Он – мужчина в соку. И блюдет она себя правильно. Если начальник узнает, что Лика с кем-то таскается, сразу из сердца и со службы вон! А так, глядишь, окрутит она его. Тогда сытая жизнь, дорогие тряпки, камни – все будет. А не окрутит – и так все имеет.

Вот эта самая Лика вбежала в беседку, где Пашка развернул книгу Энгельса «Анти-Дюринг».

Лика бросила мокрый купальник на скамейку.

– Такой серьезный! Что читаешь? – обратилась она к Жихареву. – «Анти-Дюринг»? Это же так скучно!

В этот момент ударил гром.

– Ах, я так боюсь грозы! – прижалась она к Пашке.

Его губы ощутили ушко девушки. Жихарев почувствовал, что она дрожит. Но это была дрожь не от страха, а от страсти. Пашка принялся лизать ушную раковину девушки. «Что же ты медлишь?» – прошептала она впиваясь губами в пашкины губы.

– О-о-о! Как я хочу молодого, сильного! – стонала девушка.

Кончила парочка, кончилась и гроза.

– Пойдем вечером в кино? – спросил Жихарев.

– Ишь, раскатал губёшки! – недобро усмехнулась Лика. – Я с незнакомыми мужчинами в кино не хожу. Кроме того, завтра я выхожу за моего старикашку замуж. А ты, если не хочешь неприятностей, не болтай!

Сказав это Лика, выпорхнула из беседки и,

перепрыгивая через лужи, направилась к главной аллее.

В разные годы судьба сталкивала Жихарева с Ликой и ее мужем на банкетах приемах, в санаториях. Лика делала вид, что незнакома с Жихаревым. Последняя их встреча состоялась в декабре 1938 года. Пашке поручили «дожать» ликиного мужа, обвиненного в попытке отравить Сталина. В кабинете комиссара госбезопасности третьего ранга сидел седой человек в изодранной красноармейской гимнастерке. Его рот был полон крови, левое ухо оторвано наполовину.

– Зубы ему рвем, а он – гад – молчит, посетовал комиссар, на блюдце перед которым лежал пяток вырванный зубов.

– Это – либо ошибка, либо клевета! – давясь кровью, хрипел седой.

– Жена его у нас спросил Жихарев.

– У нас. Она сговорчивее оказалась – сразу показания дала.

– Приведите жену! – велел Пашка.

Трудно было узнать Лику в поседевшей женщине с синяком под глазом, разорванной губой и ожогом на щеке.

– И ты после всего, что я для тебя сделал, подписала показания? – спросил Лику муж. – Ведь ты убила меня!

– Милый, они били меня! Жгли каленым железом, несколько часов промывали мне желудок… Я не могла этого вынести! – всхлипнула Лика.

– Вы пытками вырвали из нее показания, фашисты! – вскочил седой.

Страшный удар в нос бросил его на пол.

– Что вы сделали?! Вы сломали мне нос!

– Будешь балаганить – вообще его отрежем! – ответил комиссар и продолжил. – Слушай, сволочь! Мы не только ее допрашивали. Мы ее е… ли. И сейчас е… ть будем у тебя на глазах.

Охранник-грузин подсечкой свалил Лику на пол. Другой задрал подол и принялся стягивать трусы.

– Нет! – закричал седой. – Стойте! Прекратите! Я дам все показания, которые от меня потребуются!

Через день приговоренных к высшей мере наказания Лику и ее мужа привезли во Внутреннюю тюрьму на Лубянку. Седого, закованного в наручники, посадили на табурет. Ввели Лику. Там же, в камере курили шестеро охранников.

– Сейчас открою тайну, – склонился Жихарев седому. – Я спал с твоей женой еще в двадцать втором году, за день до вашей свадьбы. Мог бы это сделать и сейчас, да вид у нее уж больно гнусный. Давайте-ка вы!

Лику положили на пол, разорвали на ней платье и комбинацию. К пашкиным ногам полетели розовые трусики, перепачканные калом, мочой, кровью. Двое охранников спустили галифе.

– А-а-а! Больно! – хрипло закричала женщина, забилась между охранниками.

С рычанием поднялся седой, но удар ногой в живот согнул его пополам. Комиссар поднял мужа за волосы. Ударил его по лицу связкой ключей от сейфа, порвав щеку и губы.

– Ее всю ночь е… будут, а ты, сука, всю ночь будешь смотреть! И не отворачивай морду! – затем предложил Жихареву. – Ну, что, Пал Палыч, коньячку с лимончиком и по домам?

Утром Пашка с комиссаром снова зашли в камеру.

– Издохла, сволочь! – доложил старший из охранников.

Посреди камеры в луже крови лежала мертвая Лика. В углу, стоя на коленях что-то мычал ее муж.

– Что с глазами? – спросил Жихарев, кивнув на седого.

– Смотреть не хотел, пришлось веки отрезать…

– Почему мычит?

– Матерился – пришлось язык отрезать.

Ударом ноги в висок Пашка прервал мучения седого, только сгусток крови вылетел у того из носа.

– Этих – в крематорий! – приказал он и повернулся к комиссару. – А ты готовь справку о расстреле!

Но все это случилось много лет спустя. А тогда, в июле 1922 года, Пашка сплюнул в след Лике и пообещал про себя, что они еще встретятся в другом месте и при других обстоятельствах.

Глава 12

В октябре 1922 года тяжело заболел Ленин. Его болезнь держалась в строгой тайне. Точнее – не сам факт болезни, а ее диагноз – инсульт. Однако слухи об этом ходили и упорно муссировались троцкистами. Жихарев, тем временем, упорно овладевал подобранной для него специальностью. Сталин постоянно интересовался пашкиными успехами.

– Для того, чтобы приготовить противоядие – надо знать состав яда, – наставлял он подопечного. – Поэтому учись готовить яд! Не только быстродействующий, но и такой, который подействует через несколько месяцев.

Периодически Жихарев приносил ему яды и демонстрировал свое искусство на белых мышах. Хозяину это нравилось. В конце апреля 1923 года Сталин вызвал Пашку к себе. Хозяин был в бешенстве.

– Какая сволочь пишет ему статьи и речи?! Ведь он ничего, кроме: «Вот-вот» не говорит! Писать не может – даже свою подпись не может поставить! – метался по кабинету Сталин. – С этим надо кончать! Жихарев! Когда сможешь сделать медленно действующий яд?

– Завтра к полудню, – ответил Пашка.

Он понял, кого Хозяин имел в виду. Понял также, что если откажется, – ему не жить.

К двенадцати часам следующего дня Жихарев принес яд, способный вызвать кровоизлияние в мозг через два месяца после его приема. «В Горки!» – приказал Сталин шоферу. В июне 1923 года у Ленина произошел второй инсульт. Вождь утратил способность воспроизводить и: «Вот-вот».

Тогда же, в июне 1923 года Жихарева послали в командировку в Грузию. «Дворяне подняли там восстание, – напутствовал Пашку Хозяин. – Руководитель ОГПУ республики – мой шурин Реденс – слабый человек. Но есть там сильная личность – начальник спецотдела Лаврентий Берия. Он молод, энергичен, беспощаден к врагам. Работай с ним! Помогай, но контролируй его. Грузинское дворянство должно быть уничтожено. А Реденс путь на даче пьянствует!

На вокзале в Тифлисе Жихарева встретил Берия – изящный грузин с пронзительным взглядом.

– Можно доложить товарищу Сталину, что восстание подавлено, – сказал он после традиционных приветствий. – На сегодняшний день около десяти тысяч пленных мятежников сосредоточено на станции Ткварчели. Столько же их погибло в ходе боев. Семьи мятежников высылаются в Сибирь и Соловецкий дом заключения.

Отдохнув с дороги, Жихарев в сопровождении Берии направился на станцию Ткварчели. Ехали в салон-вагоне, принадлежавшим при царизме наместнику Кавказа. Раскинувшись на диванах, пили коньяк, курили иранские папиросы (тоже из запасов наместника), любовались красотами Кавказа.

– Много их скопилось – несколько эшелонов на запасных путях. Городская тюрьма переполнена. В Тифлисе проще – расстреливаем по полторы тысячи в день. А здесь из-за Реденса – он вовремя не распорядился – скопление пленных, – сетовал Берия.

– Не велика важность расстрелять. Куда трупы деть – вот в чем вопрос, – ответил Пашка, взгляд которого упал на большой ров. – А это что?

– Меньшевики, когда были у власти, хотели оросительный канал построить. Воду на поля провести, ну и народ работой обеспечить. Утопия – все это! Меньшевистский бред! Теперь не знаем, как этот канал засыпать, – ответил Лаврентий.

– Он нам пригодится, – решил Пашка.

– Очень опасно, что на станции эшелоны с нефтью, – продолжал Берия. – Их невозможно отправить – вагоны с пленными преграждают выезды.

– Это – тоже неплохо. В местной тюрьме сидят уголовники?

– Нет, пришлось выпустить из-за нехватки мест для политических.

– Тогда сколотим артель человек в сто, из тех которые сидят в тюрьме. Маневровые паровозы пусть подготовят… И на трое суток надо прекратить движение поездов на этом участке.

Прибыв в Ткварчели, Пашка был приятно удивлен оперативностью Лаврентия, несвойственной кавказцам. Все его указания были немедленно исполнены. Затем началось уничтожение пленных. В сопровождении пары пулеметчиков Жихарев с Берией подошли к первому вагону. Часовой оттолкнул дверь, из-за которой пахнуло потом и мочой. В вагоне плечом к плечу стояли люди. По команде Жихарева чекисты открыли огонь из ручных пулеметов. Дав две очереди крест-накрест перерезали первый ряд. Заалели кровавые пятна на черкесках, френчах, рубашках. Трупы продолжали стоять. Крики раздавались из глубины вагона, при этом никакого движения не наблюдалось. «Они не могут пошевелиться из-за тесноты», – догадался Лаврентий. Охранники крючьями вытащили из вагона первый ряд убитых. Расстреляли второй – вытащили и его. Только после этого освободилось место, на которое начали падать убитые. Расстреляв находившихся в первом вагоне, перешли ко второму. Струи крови текли сквозь щели в полу, раздавались стоны раненых.

– Сюда раненых складывали, – доложил командир охраны.

– Подохнут! – бросил Пашка. – А не подохнут, добьем, когда привезем на место.

Весь вечер и всю ночь длился расстрел.

– Теперь ты, Лаврентий, кончай тех, кто в тюрьме и на складах. А я поеду ко рву, что ты давеча показывал. Туда направляй эшелоны с убитыми и эшелоны с нефтью! – бросил Жихарев.

Прибыв на место, Пашка выставил оцепление из сотрудников ОГПУ и красноармейцев. Подошел первый эшелон. Бригада пленных разобрала его, укладывая трупы штабелями во рву. Раненых пристреливали чекисты. Подогнали второй эшелон. После его разгрузки подошел поезд с нефтью. Ее вылили в ров, и Пашка бросил туда факел. Струйка огня поползла по черным от нефти трупам. Затем заструилась огненная река длиною в несколько километров.

Двое суток шли поезда, набитые покойниками. Раненых уже не пристреливали, а просто бросали в пламя. Упали в огонь и несколько пленников, переносивших трупы. Их предсмертные крики потонули в гуле огня. Через трое суток все было кончено. В огонь столкнули и тех, кто разгружал поезда с убитыми. Дважды приезжал посмотреть на сожжение Берия. Он восторгался пашкиной идеей.

– Когда все прогорит, надо прислать красноармейцев – посадить деревья, – распорядился Жихарев.

На обратном пути в Тифлис они спали мертвым сном. Было даже ни до коньяка, ни до папирос, ни до прелестей Кавказа. Приехав в Тифлис, спали еще сутки. Затем направили шифровку Сталину о выполнении задания.

– Надо бы Реденса проинформировать, – сказал Жихарев.

– Реденсу это неинтересно. Его больше водка и девочки интересуют, – ответил Лаврентий, наливая стакан коньяка.

Хозяин остался доволен пашкиной работой в Грузии.

– И Лаврентий – молодец! – заметил он. – Надо его переводить на партийную работу. Будет мне хороший помощник в Закавказье.

– Товарищ Сталин! Во Франции есть крематории – дома, где покойников сжигают. Надо и нам такой – расстрелянную контру жечь, – сказал Пашка.

– Все будет со временем, Жихарев. А пока продолжай учебу!

Глава 13

1923 год завершился борьбой между сторонниками Ленина и Троцкого. Тогда Троцкий выдвинул лозунг: «Бей аппаратчиков!» Вожди революции не уделяли внимания аппарату партийных органов. Каждый из них считал себя гением. Аппарату же отводилась роль послушного исполнителя принятых решений. Разделял эту точку зрения и Сталин. Однако если Ленин и Троцкий считали, что в аппарате должны работать талантливые люди, Сталин придерживался другой точки зрения. Талантливых людей в аппарате ЦК он заменил людьми работоспособными, но не умными, а главное – послушными. Ему, избранному генеральным секретарем Политбюро ЦК ВКП (б) только потому, что вожди не считали его серьезной политической фигурой, не нужны были талантливые подчиненные. Ему были нужны подчиненные, безоговорочно выполнявшие его волю. Именно такими людьми он быстро заменил аппарат ЦК, губернские партийные органы. Вожди же тем временем боролись между собой. Когда осенью 1923 года эта борьба ненадолго затихла, вожди увидели, что окружены выдвиженцами Сталина. Они нуждались только в одном вожде. Эти люди были жадными до власти, пайков, зарплат, всяческих материальных благ. Все они были куплены Сталиным, лично преданы только ему. Все они отрицали любую мысль, любое слово, высказанные не Сталиным, а кем-то другим. Поэтому лозунг Троцкого был направлен не столько против этих людей, полностью оторвавшихся от народа, сколько против самого Сталина, начавшего утверждать свое единовластие в партии. Теперь борьба вступила в новую фазу. Началась борьба между кумирами толпы, упивавшимися своими речами на митингах, и людьми, исподволь прибравшими эту толпу к рукам. Через несколько месяцев смерть Ленина на некоторое время приостановила ее. Однако уже 22 января 1924 года Троцкий заявил: «Теперь в партии нет человека, равного мне». Разумеется, эти слова сразу же были донесены Сталину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.